



КАТЕРИНА СТАРК

ЧИСТО ПИТЕРСКАЯ ХТОНЬ

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катерина Старк

Чисто Питерская Хтонь

«Автор»

2024

Старк К.

Чисто Питерская Хтонь / К. Старк — «Автор», 2024

Чухонские ведьмы годами вне закона и покидают Питер целыми семьями. Вместе со смертью последней большухи из города уйдет и особая магия, что спасает город от хтони, неведомой для официалов из администрации. Лера — наследница большухи, приближается к тридцатилетию и все еще не знает, кем хочет стать, когда вырастет. На время вернувшись в Питер, чтобы уговорить бабушку на переезд, она живет подработками и незаконным хобби — изобретает артефакты. Лера не желает заниматься проблемами чухонцев, но когда бабушка заболевает, а город застревает в бесконечной зиме, все-таки объединяется с Костей — бывшим другом и официалом, чтобы противостоять восставшим чудовищам и вернуть в город весну. Лере предстоит понять свое место в жизни, найти новые способы колдовать, когда это становится невозможным из-за ее же экспериментов и раскопать правду об источнике магической силы, которым веками пользовались чухонские ведьмы. Все это необходимо, чтобы спасти Петербург от превращения в ледяную пустыню.

© Старк К., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Катерина Старк

Чисто Питерская Хтонь

Глава 1

Кинжал врезается в столешницу с более глухим стуком, чем от него можно ожидать. Стук в бубен громче. И звук, становится все тяжелее с каждой секундой, наваливается на плечи, тянет вниз. Равномерное бум-бум прорастает из паркета, тянется от стен к костлявым пальцам, вместо тяжелых колец, унизанными крупными суставами. Звук заполняет комнату плотной подушкой. Ведьме тяжело вздохнуть и еще тяжелее выдохнуть, но нужно. Только так она сможет хоть что-то сказать. Разомкнув тонкие от возраста губы, скорее похожие на еще одну глубокую морщину, она выдыхает древние слова на забытом всеми языке. Она призывает, она спрашивает и требует. Но из раза в раз ответа нет. Только свечи трещат все сильнее, и ведьма порадовалась бы, если бы это хоть что-то значило.

– Давай же, – нетерпеливый голос звучит бодрее, чем этого можно было ожидать от седовласой, склонившейся над рунами старухи. – Я немного прошу. Просто верни все как было. Чтобы дети не бежали на чужбину, вырывая корни свои из родных болот. Это немного в ответ на верную службу.

Но ответом ей звучат все те же равнодушные бубны да свечи.

– А если я уеду, тебе понравится? Понравится быть брошенным? Понравится, если никто не будет почитать тебя? Никто не будет жертвовать тебе ни временем, ни дарами? – звенящая злость в голосе передается бубну и свечам, передается стенам и потолку, каждой серебряной волосинке, убранный в косы. Но и это остается без внимания Укко – верховного бога. Покровителя и защитника. Боги давно молчат и не отвечают на молитвы большухи. Поэтому родные уезжают, поэтому семья настаивает, чтобы ведьма покинула богами забытые земли предков, где их лишают шанса сохранить наследие и себя.

Сил все меньше и от этого противно, ведьме противно от самой себя, ведь она не может даже ритуал до конца довести. Вот уже и руки подрагивают и напрягать голос все сложнее. Но она не сдается. Пробует еще раз. Кажется, последний.

– Я не прошу возмездия, не прошу мести. Дай мне силы отстоять причитающееся по праву. Дай мне... – горло першит, голову все сложнее держать прямо, так и клонится к столешнице, к полу, к земле.

Камешки рун подрагивают на тяжелой скатерти и это не треск истлевающих свечей, истекающих белым воском на багряное полотно. Это знак. Надо собраться, надо дожать, ее слушают. Но мысли вязнут, они путаются между «бум» и «бум», не успевая сформироваться в предложения. Ведьма чувствует, как момент уходит, что вот сейчас последняя возможность быть услышанной или... «Пакуй чемодан дорогая, здесь уже нечего ловить», – это не в голове, настороженно понимает ведьма. Это снаружи, как и бубен, как и свечи, как и ветер, проверяющий на прочность стекла в окнах.

– Нет! – цедит старуха сквозь зубы, а саму в стул вжимает. Деревянные ножки скрипят от давления, вот-вот сломаются. А может быть, позвоночник не выдержит раньше. Ведьма упрямо хватается за воткнутый в столешницу кинжал, за лезвие и тянется, пытается сесть прямо. Ладонь обжигает болью, по лезвию тонкой струйкой течет густое, красное. Горло перехватывает, дышать все тяжелее, но опустить руки и сдаться – не вариант. Пусть лучше она умрет здесь, где и положено. А уже после потомки решают.

В глазах темнеет, все труднее держать голову прямо, держать хоть как-то, и ведьма упирается лбом в столешницу, дышит прерывисто. Все силы уходят на то, чтобы не отключиться, пока кровь, струйкой сползая по лезвию, добирается до стола.

Кристалльная тишина комнаты кажется гудящей. Озон в воздухе бодрит, и старуха не верит, что это все. Просто не может быть, что на этом все закончится. Она оглядывается. В неверном свете умирающих свечей тени прячутся по углам, но в них ничего, кроме ее обычных страхов и тревог. За спиной ничего кроме шкафа полного свитков, дневников и старых книг. Перед ней ничего кроме успокоившихся рун. Хагал – гнев природы, испытания, разрушения. Силы, которые невозможно контролировать. Именно это большухе и нужно. Свобода от контроля, невозможность усмирить стихию. Дикая магия, которую неучи из власти пытаются упрятать в клетке из законов и указов. Ведьма не в силах сдержать надтреснутый смех, вырывающийся из груди сгустками. Ведь рядом с ней лежит руна Эзель – выход из ситуации. И последняя – Ис – зима, мороз, неподвижность.

Ведьма подталкивает ее кончиком пальца и обжигается ледяным прикосновением. Тянет в рот палец и хмурит тонкие седые брови.

– Брось негодовать, дитя. Ты звала, мы пришли. – голос, объединяющий в себе сотни голосов не внутри головы, снаружи, заставляет задержать дыхание. Сфокусироваться на том, что есть в комнате. Стол, шкаф, книжная стенка, карта города с дельтой Невы и каждым из ее рукавов. – Ты просила спасения от захватчиков – МЫ принес его.

Хрустальная люстра над головой со звонким хрустом разлетается на мелкие осколки, расцарапывая тонкую как калька кожу рук, лица, шеи. Но большуха чувствует – так надо и зажмурившись, терпит.

Косте не спится. Он ворочается на кровати. Как в кокон, заворачивается в одеяло. Накрывает голову подушкой и через мгновение откидывает ее. Одеяло тоже летит в сторону. Но нет, Косте показалось, что душно, на самом деле в комнате дубак и он уже в следующую минуту тянется за одеялом, снова заворачивается в кокон. Беспричинное волнение змеиным клубком расплзается по всему телу, вьется в ногах и руках, даже в голове, будто проверяет стенки черепной коробки на прочность.

А Коту до лампочки. Спит без задних ног, растянувшись на полдивана и конец света не заметит, даже если сейчас прямо у уха что-то взорвется... Грохот за окном вырывает Костю из мыслей и крепкой хватки постельного белья. Бомба – не бомба, а точно ведь что-то случилось. Змеиный клубок тревожности затихает, получив свое. Костя выглядывает в окно. Еще перед сном за ним была небольшая улочка, покрытая мартовскими сугробами. А сейчас ничего не видно из-за тумана. Да такого плотного, что ни соседнюю хрущевку, ни березу у окна не видать. «Станный туман», думает Костя и тут же порыв ветра этот туман уносит, расчищая небо и обзор.

– А, так это авария! – по привычке он разговаривает с Котом. По традиции рыжий мордастый нахал смотрит на Костю со взглядом «и зачем мне это знать, по-твоему?» зевает и, сладко потянувшись, моментально засыпает.

– И машины все по капот в кипятке, – игнорирует Кота Костя и понимает, сегодня он уже не уснет. Писк грузовика экстренной службы, матюки работников прямо у него под окнами – не звучат как колыбельная, не убаюкивают, мягко говоря.

– Значит, чай, – выдыхает Костя и идет на кухню, включает электрический чайник. Можно и магией, но хочется хоть чем-то шум на улице заглушить, создать свой. Костя натягивает свитер, растянутый, но теплый. Без работающих батарей в хрущевке быстро становится невыносимо, до костей промозгло. Если провести ревизию всех трещин, окажется, что это здание уже не должно стоять. Костя уверен: дом до сих пор держится на честном слове бригадира.

Что ни говори, а честное слово – серьезная магия. Еще лет пятьдесят эта развалюха будет здесь и хоть бы хны. А потом еще пятьдесят из вредности. И никакие попытки ее снести не сработают.

Чайник щелкает, выключаясь и Костя достает из серванта кружку. Большую, офисно-белую, совершенно неподходящую к старенькому, округлому серванту. Взгляд цепляется за фотографию, стоящую между стекол. Фото сделано давно, на курсе втором? На первом. Лера улыбается, глядя в камеру, а он жмурится будто от ее улыбки, а не от беспощадных солнечных лучей. Сентябрь тогда выдался теплым, это были его первые недели в Питере. Он уже успел наслушаться всех этих «да ты не понимаешь, здесь минус пятнадцать, это как ваши минус тридцать пять. Влажность». А Косте было плевать. Во-первых, до зимы еще дожить надо, а во-вторых, ну что они, в самом деле, удумали сибиряка холодом пугать.

– Соболев, занят? — Лерка непосредственная и легкая на подъем будто подлетает к столу, за которым Костя только-только собрался делать домашку.

– Тихо ты, древня, что орешь? — шелестом листьев со всех сторон доносится шепот.

В библиотеке тихо. В промежутках между стеллажами с книгами уже вовсю занимаются студенты. Молча сидят. Все знают и первым делом первокурсникам рассказывают, что библиотекаря хоть и выглядит, как самая милая бабушка из диснеевского мультика, но как только кто-то нарушит тишину в библиотеке, получает проклятье молчать до конца недели. Это в лучшем случае. Поэтому в царстве Суздалевой всегда тишина такая, что между шелестом от перелистывания страниц можно услышать, как едва заметно трещит электричество в настольных лампах.

А тут Лерка — не человек, а ураган. Вроде и шепчет, но как-то слишком громко. Костя палец к губам прикладывает, мол давай потише. И практически одними губами спрашивает:

– Что опять, Юрова?

Лерка все время пытается его куда-то утянуть. Поэтому Костя всем своим видом показывает, ни землетрясение, ни обвал потолка не заставит его выйти из-за стола, пока не будет готов реферат на тему фактов и мифов о русалках.

– Я тебя обещала в пышечную сводить, — жмет плечами одногруппница, — здесь недалеко.

О, этого «здесь недалеко» Костя тоже наслушался и уже не раз был обманут.

– Знаю я твое недалеко, в прошлый раз на полдня встрял. У меня реферат и задачки надо решить до завтра.

– И чего этим магам вечно не рассчитать, кому и сколько зелья должно достаться, лишь бы студентов напрячь, — фыркает Лерка. — На этот раз точно недалеко. Бабушкой клянусь.

– Ну разве что клянешься бабушкой, — вздыхает Костя и однокурсница хватается за руку и тащит из библиотеки, вниз по лестнице, на улицу. Юрова всегда быстрее ходит, даром, что ростом маленькая.

Они выходят на набережную Мойки и почти сразу поворачивают на небольшую улочку.

– А точно недалеко? — с опаской уточняет Костя, будто Лера его не в пышечную пообещала отвести, а на подпольные бои водяных.

– Да разберешься ты кому и сколько зе... — нетерпеливо ворчит Лера и лямку сумки, перекинутую через плечо, поправляет.

– Я вообще про другие задачи.

– Это про какие? — Лерка замедляется и с подозрением смотрит на одногруппника.

– Про те, в которых нужно рассчитать процент применения силы для подъема пера, папки, стола...

– Блин, забыла про них, — бьет себя ладонью в лоб. — Пять минут и придем, точно тебе говорю. А списать дашь?

– А сама попробуешь решить?

Юрова фыркает и ускоряется, Косте приходится почти бежать.

Первый месяц первого курса, а этот диалог уже повторяется не раз. Костя, выросший в университетском городке, в семье профессоров и академиков привык шуршать за книжками, решать, умножать, делить и все вот это. А Лерка, ведьма из Семьи. Не из итальянской мафии, но чем-то похоже. Эта семья из тех, кого еще Пушкин называл чухонцами. Народ Чуди жил здесь до Петербурга и магические традиции хранит поколениями. В то время как Костя все из книжек знает, теоретически, Лерка в этом с детства варится, знает, что и зачем, а почему и как объяснить не может, действует часто по наитию. Вот и в предметах точных, технических, требующих четких расчетов, вязнет как муха в патоке и вылезать не особо хочет.

– А это что? — Соболев замечает зеленоватую церквушку, зажатую между другими историческими зданиями, серыми, высокими по сравнению с ней. Останавливается, чтобы сфотографировать. Маме надо показать, отчет, что не только за книжками сидит, что культурную столицу осматривает, гуляет.

– Собор святой Анны, — откуда-то из-за спины голос Лерки звучит прерывисто.

Костя оборачивается и ничего не понимает: однокурсница, как первоклашка прыгает с камня на камень кладки дороги, стараясь не наступить на шов между ними. Он помнит, как одноклассницы делали также, только старались не наступать на швы между кафельными плитками или на трещины в асфальте.

Костя трет шею, там, где темные волоски совсем коротко подстрижены.

– Ты так делаешь, когда неловко, — фыркает Лера.

Соболев руки на груди скрещивает, только чтобы не повторять движение, которое покалыванием волосков по ладони отвлекает от неудобного чувства, будто застрял в обуви не по размеру. А значит, действительно неловко. В компании подруги — довольно часто.

– Ты что творишь?

– Прыгаю, — усмехается она.

– А зачем? — Костя дергает манжеты рубашки поправляя. Только чтобы руки занять хоть чем-то.

– погоди, — Лерка выпрыгивает какой-то известный только ей узор, запрыгивает на поребрик и одним движением поправив подол платья, уже спокойно идет в сторону вывески «Пышечная». Костя так и стоит, замерев. — Ну что я кричать тебе на всю улицу должна? — ворчит однокурсница и машет рукой, открывая дверь кафе.

Внутри тепло, даже жарко. Пахнет кофе и чем-то еще, приятным. Пока Костя занимает столик, Лерка уже делает заказ и через несколько минут тащит тарелку. На тарелке горка жаренных, золотистых, кривых колечек из теста, посыпанных сахарной пудрой.

– Жуй, пока не остыли, — Юрова вгрызается в золотистое и сладкое, закрывает глаза от удовольствия. Пудра сыпется на черные джинсы, но она не замечает. Только покончив с третьим колечком, вытирает пальцы салфеткой. И без предисловия начинает: — Это древний ритуал.

– Съесть три пышки? — с подозрением уточняет Костя.

– И это тоже, но ты про прыжки спрашивал.

– Прыгать, не наступая на швы плитки — это древний ритуал? — фыркает Соболев и берет пышку двумя пальцами, будто так не запачкается. Пытается аккуратно откусить, но сахарная пудра все равно остается комочками в нелепых пучках волосков над губой.

– Ну хорошо, не прям древний, но достаточно старый, — Лера протягивает ему салфетку.

– Для чего? — пышка, конечно, вкусная, но про бытовые ритуалы узнать для Кости всегда интереснее.

– Прыгать надо, чтобы хтоническое зло из недр земли не вырвалось в город и не разрушило тут все, — однокурсница говорит тихо, вкрадчиво. И смотрит не на него, а на продавщицу за прилавком, будто контролирует, чтобы та не услышала секретную информацию.

«Лучше б в библиотеке так говорила,» — думает Костя. А здесь в окружении людских разговоров, шума кофемашины, мотора с улицы... Ему приходится наклониться вперед, чтобы расслышать.

– Лер... — Соболев качает головой и возвращается к уже подостывшей пышке.

– Да погоди, — она отодвигает тарелку к краю столика, и сама придвигается ближе. — В общем, люди здесь живут давно. Живут, обижаются друг на друга, обиды эти порой с детства в себе носят. И все эта энергия...

– Уходит в землю, ведь человечество сейчас очень заземлено, — догадывается Костя.

– А это ты знаешь, — фыркает Лера.

– Ладно-ладно, молчу.

– Да все просто, энергия действительно накапливается в земле. И если ее не сдерживать, не уследить, то в какой-то момент она рванет.

– А прыгать...

– Да, это и есть ритуал сдерживания. Нет, не сдерживания, какое-то другое слово, — тяжело вздохнув, Лера берет еще одну пышку и запихивает в рот. — Боги, ну почему так вкусно.

– Погоди, но девочки из моего класса делали также, а они вряд ли ведьмы. Совершенно точно даже не с боку припеку, — хмурится Костя, он-то уверен, что один такой на всю школу, кто смог в Академию поступить.

– Ну да, завирусилось, получается. Бывает, — Лерка запивает пышку черным чаем. — Коренных народов среди волшебников не много, а так магия ритуала усиливается. Получается, даже лапотники бывают полезными.

– Лапотники? — снова напоминание, что Лера хоть и учится с ним в Академии, а все равно не такая, как все студенты. Она старается вливаться, но нет-нет, а пролезет какое-то такое словечко. Деревенское, что ли.

– Те, кто не могут в магию, — кивает Лера.

– Ну то есть бездари?

– Ага.

– Слово-то какое, — Костя откладывает пышку так и недоев. — Слушай, а другого способа справиться с этим злом злодейским нет? Ну, понадежнее?

– Разве что отправить всех на психотерапию. Поголовно, — фыркает Лерка и забирает Костину недоеденную пышку. Секунда и той уже нет.

– Ну да, действительно, — задумчиво тянет Костя и отпивает уже порядком остывший чай.

Чертыхнувшись Лера поднимает ворот пальто и натягивает шарф на уши. В голове только проклятья и желание закурить. Проклясть хочется все начиная с вечно не убранного снега, что упрямо превращается с болота грязи, заканчивая катком, в который все это безобразие превращается, стоит градуснику показать ниже нуля. Можно было бы решить, что Лере просто не нравятся промокшие от слякоти ноги. Или то, что от этих температурных качелей, что город устраивает голова тяжелая, хоть не поднимай, но нет. Она проклинает и себя, и свою привычку одеваться легко и незамысловато, будто самое страшное, что ей грозит это небольшой дождь и плюс шесть градусов европейской зимы. А не питерские снегодожди по щиколотку.

«Ты же русская, у вас всегда холодно, ты не должна мерзнуть», звучит в голове французскими голосами. Лере от них отмахнуться хочется точно так же, как от ветра, из раза в раз швыряющего почему-то острые капли дождя в лицо. Светлые пряди то и дело лезут в глаза, и Лера, все еще непривыкшая к длине недавно обстриженного каре, снова проклинает себя даже за это решение.

Остановившись у арки, ведущей во двор-колодец, она осторожно заглядывает внутрь. У дверей парадной, как всегда, дежурят извечные старушки. Будто дел у них других нет, кроме как голубей кормить. Слушать охи и ахи о том, как она изменилась, совершенно не хочется, и Лера достает из кармана пачку сигарет, в надежде, что пяти минут хватит и они разойдутся по домам.

Щелчком пальцев поджечь кончик сигареты и затянуться, смачно так с удовольствием. Все, что ей прямо сейчас нужно. А еще придумать, как уговорить бабушку уехать из этого города забытого богами. Да поскорее.

Будто бы гром над головой прокатывается по крыше грохот. Лера, подавившись дымом, отступает на шаг, второй. С противоположной стороны улицы долетает крик «берегись» и тут же тонет за шумом ледяных обломков, врезающихся в то пятно света от фонаря, в котором Лера стояла еще секунду назад. Но сердце стучит еще громче, будто бы прямо в голове и ритм в уши отдается.

К ней кто-то подбегает, трясет за плечи, кричит. Но она не слышит. И ответить ничего не может. Воздуха не хватает. Нет, ей не нужна скорая. Нет, вызывать полицию точно не нужно. Какой иск к коммунальщикам? Вы о чем? Какая компенсация? Какой ущерб?

Время идет, дни тянутся, а город все не прощает. Она поняла это сразу, когда такси, на котором ехала из аэропорта, сломалось, а второе так и не прибыло на вызов. Третье окатило с ног до головы тающей жижей, сумасшедшим коктейлем из соли, грязи и реагентов. Город не принимает Леру обратно, вряд ли уже примет. И это может превратиться в проблему.

– Соболев! – окрик начальника застаёт врасплох, Костя подпрыгивает на стуле и будто просыпается. – По вашему отделу всё готово?

– Учения по отлову волшебных тварей проведены, сотрудники проинструктированы, снаряжение все получено, уже на складе. Обмундирование там же, – Костя чеканит, смотрит перед собой, представляя список задач.

– Все бы так заранее готовы были, да, Копенко? – язвит Хухулев.

– Чуть что так сразу Копенко! – Ленька бурчит под нос. – Разрешили бы снег магией убирать, так мы б его... – начальник, вылитый Завулон, смотрит грозно, Лёнька краснеет и замолкает.

«Так странно», – думает Костя. Ведь логично, если б он на Гесера был похож. У нас здесь как-никак силы света, готовятся дать отпор духам тьмы.

– Соболев, сегодня наблюдателем вместо большухи будет... – Хухулев стучит по столу пальцем и просматривает толстый ежедневник, – внучка ее. Имя не помню.

– Да какая разница, чудики и чудики, – где-то справа смеются. Костя смотрит только перед собой, а по голосу не может определить, да и не надо.

– А она разве не твоя однокурсница, Соболев? – подначивает Леняка.

– Лера? – хмурится Костя, а у самого только и пульсирует в голове «Лера приехала».

– Ну раз там такие плотные знакомства, значит, Соболев, проследи, чтоб без скандалов в этот раз. Возражения есть? Возражений нет. Свободны. А мне ещё с губернатором...

Костя собирает в папку с гербом пустые листы, на которых так ничего и не написал, хлопает по спине Лёньку и выходит из кабинета. Годы академии, красный диплом, практика-практика-практика, чтобы взбесившихся котов, да козчиков отлавливать? Допустим, бездарей напугает, если их детей вдруг сожрёт гигантский кот. Древней живности не объяснишь, что это не дети непослушные, это правила игры за тысячелетия изменились.

Только у кабинета Костя замирает. Так ли хорошо это получается? Спасать детей, держать город в порядке? Никаких водяных и леших, даже привидений за последние несколько лет никто не видел. Значит он хорошо работает? Значит он достойно справляется? Значит все правильно? Так может, уже пора быть довольным? Может быть, пора... «Ну не знаю. Заняться хоть чем-то помимо работы?» – вдруг мелькает мысль почему-то маминым голосом.

– Блин! Соберись уже! – грозно смотрит на притихшую секретаршу, – Саша, предупредите все группы о полной готовности, через полчаса и, чтоб без опозданий!

И чеканя шаг, заходит к себе в кабинет, верхний свет не включает, ковер стук каблуков смягчает. Бросает папку на идеально чистый стол. Ручка к ручке, телефон стоит под определенным углом, как и монитор. Ни одной лишней бумажки, цветочка или семейной фотографии.

Переодевается в теплые вещи, в сумку собирает артефакты: для лечения (мерцающий светло-зеленым), непроницаемо-черный опаловый куб для определения направления движения, потому что смартфон может сбоить из-за магии, изогнутый топорик, покрытый тонким узором защитных рун. «Собираюсь как на битву», ловит себя на мысли Костя и тут же отмахивается от нее. Ну какая битва. Все спланировано по часам, он готов к любому форс-мажору. Хоть сейчас...

Квартира встречает Леру подозрительным безмолвием. Как будто даже магия в стенах спит и не отзывается приветственным теплом, как это обычно бывает. Ведьма хмурится, стягивая ботинки, не наклоняясь и плевать, что это портит обувь.

– Да чтоб тебя... – шипит, когда с шарфа за шиворот свитера падает снег и убедившись, что волосы не так уж сильно пропахли табачным дымом, все-таки обходит квартиру, в попытке отыскать притихшую большуху.

Кухня, гостиная, спальня. Дверь с тихим скрипом открывается, впуская в неосвещенный кабинет теплый ламповый луч из коридора.

– Бульбуль? – Лера морщится от детского обращения, которое все пытается выкинуть из своего лексикона. Ей давно уже не десять, чтобы продолжать так называть бабушку.

Свет от автомобильных фар, случайно попадающий в комнату, делает обстановку жуткой, заставляет передергивать плечами, когда между лопаток пробегает холодок. Язык колет от привкуса озона, и Лера тянется к выключателю, просто чтобы понять, что здесь происходит.

– Лерочка, – голос слабый, дрожащий, в нем не осталось ни следа той мощи, что чувствовала еще недавно. Внучка срывается с места, подбегает к сгорбленной, еле сидящей старушке и придерживает ее, когда большуха соскальзывает со стула.

– Ну, надеюсь, ты со всеми делами закончила, – помогая подняться, тут же крепко обнимает, чтобы бабушка не упала – у той колени подгибаются, как только внучка пытается удержать ее вертикально. – Даже если не закончила. Пора отдохнуть.

– Некогда отдыхать, Лерочка, – тяжело вздыхает большуха и Лера знает эти плачущие нотки, знает, что за ними последует. Как и то, что не сможет отказать, как бы ей не хотелось. – Эти неучи из министерства вызывают.

– Уверена, если ты объяснишь, скажешь, что на ногах стоять не можешь... – осторожно шаг за шагом Лера выводит бабушку в узкий коридор, и сама чуть не падает: ритуальная одежда изрезана, в косах поблескивают мелкие осколки, лицо все покрыто ранками. – Да что у тебя произошло?

– Что надо, – грубо обрывает бабушка и ладонью в стенку опираясь, отстраняется от внучки. Благо до комнаты идти недалеко. – Я в твои эксперименты ведь не лезу!

«Вообще-то, лезешь», – хмыкает Лера и пока бабушка просто пытается отдышаться и не двигается с места, торопливо стягивает влажные после прогулки волосы в пучок, а то так и норовят в глаза лезть. Бабушка ее попытками изобретать новые дары настолько недовольна, что Лере приходится по ночам работать, просто чтобы лишний раз большухе на глаза не попасться. А это, вообще-то, утомительно весь день с поручениями по городу гонять, чтобы потом уставшей проверять расчеты на практике.

– Помоги мне, – внучка хватает протянутую бабушкой руку и тут же поражается, насколько она холодная. Лера хоть и невысокая, но ей приходится в две погребели согнуться, чтобы придерживать бабушку, удостовериться, что та не упадет и таки доберется до кровати.

Паркет ноюще скрипит под ногами, пока они неторопливо идут к комнате. Тяжелое дыхание сквозняком посвистывает на весь коридор, поэтому, думает Лера, бабушка оставляет свою просьбу до момента, когда с протяжным стоном облегчения укладывается на пружинящий матрас. А Лера мысленно обратный отсчет ведет. Знает, что приказ ей не понравится.

– Сходи за меня, – выдыхает бабушка, прикрыв глаза, – сегодня ночью неучи из отдела по магическим тварям будут в очередной раз нас всех спасать. Надо проконтролировать, чтобы никого не покалечили...

– Бульбуль, – Лера выдыхает ласковое прозвище в надежде, что это смягчит большуху, – не нужна я там.

Лера знает, что вот это «проконтролирую» просто иллюзия власти, которую бабушке оставили официалы. Они думают, городу не нужна помощь от всяких дикарей, цепляющихся за ритуалы предков. Они думают, городские службы и сами прекрасно справляются. Справляются – никаких аварий действительно много лет не было. Прекрасно ли другой вопрос. Но Лера в это не полезет, нет. У нее своих дел навалом. Убедить бабушку, что отсюда можно и нужно уехать, например. За этим родители ее сюда и отправили.

– Не выдумывай, – кривит губы бабушка, – если этих неучей из министерства никто не проконтролирует, они наворотят с три короба.

– Да у них инструкция на инструкции инструкцией погоняет.

– И в них прописано, что при отлове сфинксов должен присутствовать один из представителей семьи, – строго.

– Прямо так и написано? Не большуха? Не глава семьи, а просто один из представителей? – раздражение прорывается в каждом слове.

– А ты мой, – кивает бабушка. – И я тебя умоляю не бери с собой эти твои игрушки. Еще не хватало, чтоб тебе хранение и изготовление нелегальных артефактов приписали. Твой отец меня с потрохами съест, если ему придется вызволять дочу из тюрьмы.

– Этим всем не придется заниматься, если ты, как и обещала, наконец-то поедешь со мной. Родители тебе и комнату подготовили...

– Лерочка, говорила уже. Дела закончу и тогда хоть помирать.

– Эти дела никогда не закончатся, правда?

– Давай на следующей неделе об этом поговорим. А сейчас иди, собирайся.

Лера, тяжело вздохнув, поднимается с кровати и стремительно уходит, в последний момент сдержавшись не хлопает дверью. Разговоры бесполезны, они уже третью неделю повторяются по кругу и не двигаются с мертвой точки. Но что с этим делать, Лера не представляет.

– Да чтоб тебя, – берцы скользят в липком, вязком снегу и Костя чуть не падает. – Все Леньке выскажу по поводу уборки, – такой же липкий, как и под ногами, снег крупными хлопьями падает на головы и плечи, оставаясь сугробами на тёмной спецовке.

Костя оглядывается на отряд: егеря вереницей идут по едва протоптанной тропинке вдоль стен Меншиковского дворца. Ветер со стороны Благовещенского моста кидает в лицо шмотки колючего, холодного. Шмотки, похожие на снежки, которые кто-то собрал и теперь развлекается, соревнуясь в меткости. Неприятно, через шаг приходится сплёвывать и вытирать глаза. Впереди Университетская набережная. Соболев слышал, как экскурсоводы говорят про древнеегипетских сфинксов «украшение», «редкости» и даже «защитники». Костя иногда диву дается, что у бездарей считается защитой города. Если бы они знали хотя бы десятую часть...

За спиной Кунсткамера со своими уродцами. Благо они ни на какие праздники не бунтуют. А вот сфинксы, их в городе много. Пришлось открывать дополнительный набор егерей, чтобы усилить бригады. Особенно эту. Иначе с «защитниками» им просто так не справиться. Точно хотя бы один вырвется и побежит по городу народ пугать.

Костя проверяет экран мобильного, один за другим от отрядов приходят уведомления «на месте».

– Хорошо, что метель, – старший егерь, Михалыч, похожий скорее на медведя в этой своей облепленной снегом шубе, оглядывается по сторонам, когда отряд останавливается у сфинксов. Михалыч как будто шеей не может крутить, всем телом поворачивается то направо, то налево, – лапотники по домам сидят, пока мы тут с кошками возимся.

– Это раньше отдел с ними не справлялся, чем только не прикрывали разрушения, даже наводнениями. А последние годы...

– Большуха говорит, что в этом году пророчества неясные, – Михалыч мрачно перебивает Костю.

– Ага, понятно. Большуха. Давайте по плану, – командует Соболев, поправляя перчатки.

Ему предыдущего раза хватило, когда все отделы узнали, что в универе он участвовал в чухонских ритуалах. Каждый норовил спросить: едет ли он прыгать через костер в июне или может быть, будет собирать в лесу листья и ветки на Осенины. Костя, конечно, не стал усугублять ситуацию и объяснять, что у коренных этот праздник называется иначе. «Рассказывать это только подкармливать их приколы», – решил тогда Костя и в коем-то веке промолчал.

И все-таки змеиный комок в солнечном сплетении вьется, дергает. «Может и надо было что у Большухи уточнить», – прикидывает Костя и сам же себя уговаривает, – «ты профессионал, неужели сам не разберешься». Последнее почему-то звучит голосом отца. Костя мотает головой и снова смотрит на часы. Пока что все идет по плану. Егеря раскрывают сети, переливающиеся золотыми искрами сдерживающих заклинаний, и накидывают на ещё не оживших сфинксов.

– Резче, мужики, что-то у меня предчувствие дурное, – гаркает на всех Михалыч и егеря ускоряются: на головы, украшенные клафтами, накидывают канатные петли и привязывают к колышкам, вбитым меж плит. Едва успевают, по гранитным бокам уже трещины ползут и рык, глубокий зычный, прямо из кошачьей груди слышен.

– Приготовьтесь! – Соболев смотрит на наручные часы и только сильнее хмурится, раньше обычного. Проверяет мобильник, уведомления о готовности пришли не от всех. Это может стать проблемой.

Гранит оглушительно разваливается на куски, канаты моментально натягиваются, колья елозят, Костя как можно скорее укрепляет их заклинаниями и хватает сетку, помогает близ стоящему егерю.

– Поднажмите, мужики! – кричит Михалыч и егеря приседают, тянут сетку вниз, прижимая к постаменту бьющихся в несвободе сфинксов. – Савелич, ну, чего ждёшь! Вперёд-вперёд.

Савелич, коренастый, похожий на гнома, единственный отказавшийся сменить пимы на сапоги, подбирается как можно ближе, достает из мешка сонный порошок и щепоть летит в лицо сфинкса.

– Три, два, один! Какого...? – вопреки ожиданиям Кости, Савельича, егерей, сфинкс не засыпает, только скалится злее и сквозь зубы цедит что-то на своём древнем, пугающем языке.

– Ё! Начальник, что делать будем? Всю ночь держать не сдюжим! – Михалыч пытается перекричать сфинксов, ветер, метель, весь город, будто бы одичавший в секунду.

– Никто не сдержит, – кричит Костя, но не слышит ни себя, никого. Все звуки меркнут. Смех, низкий, злорадный, а вместе с ним мороз колет тело сквозь усиленную магией одежду, атакует пальцы до судорог, так яростно, что никакие перчатки не спасают.

– Держать! – Соболев надрывает связки в надежде, что голос долетит до егерей. Холодный воздух, проникающий внутрь, раздражающий легкие, сбивает дыхание, будто хочет убить. А смех продолжается, становится громче и злее. Сети, сдерживающие разъяренных сфинксов, трещат и лопаются поразительно беззвучно. Егеря валятся в рыхлые сугробы, пытаются отползти подальше. Сфинкс подрывается прыгнуть с постамента и тут же задыхается, сдерживает петля на шее.

– Куда! Канаты держать, бл... – Михалыч первый бросается к колышкам, Костя за ним. Скрюченными от холода пальцами неловко пытается схватить канат и натянуть сильнее, обездвигать зверя.

Костя сконцентрирован на искаженном гневом лице твари, не видит ничего кроме.

– Лапы, лапы держи, – кричит Михалыч, заметив, что сфинкс, как самая обычная кошка, свирепо сражается с ошейником, пытаясь содрать то задними, то передними лапами. Конца не видно бурлящей энергии, стремящейся разорвать егерей. И Костю вместе с ними.

Костя удивлен. Этого не может быть. У него все продумано, рассчитано, спланировано.

– Усыпляющее! Быстро! – кричит, и сам бежит на помощь, удерживать взбесившихся сфинксов. Чувствует удар по голове и падает. Над ним на бронзовых крыльях летает небольшой грифон.

– Это еще с какого... Мужики, берегите головы! – Костя пытается обездвигать грифона заклинанием, но тот будто не замечает прилетевший сгусток магии, только налетает на самого высокого из егерей. Тварь как будто решила, что так будет проще. И действительно, егерю лицо заливает кровью, и он падает, как подкошенный. Благо наваливший за последние сутки снег, смягчает падение. Костя подбегает к упавшему, негнувшимися пальцами с третьей попытки кастует сначала комбинацию Столлера, сразу за ней формулу Крива. Только когда кровь останавливается, а рана начинает затягиваться, он выдыхает с облегчением. Но оглядевшись понимает, что рано. Главный егерь все-таки добирается до задницы сфинкса и вкалывает ему усыпляющее зелье. Но зелье не действует. Сфинкс только яростнее начинает вырываться, бить лапами, рвать когтями. Из темноты на них пикирует грифон. Костя не успевает совсем чуть-чуть. Грифон вырубает главного из егерей, когда Соболев с криком: «Вот тебе мелкая тварь» бьет лопатой для уборки снега по не успевшему отлететь грифону. С гулким стоном из бронзовой пасти грифон падает в Неву, пробивая лед.

– Запасные сети где?

Лера не чувствует себя одиноко, нет. Так сложилось и она не видит смысла заламывать руки в припадках наигранного горя. Не было никакого резкого отъезда всех. «Великое переселение чухонского народа, ага», – ядовито думает Лерка, а сама черным карандашом на веках стрелки рисует. «Что, моя дорогая большуха? Собирайся? Иди? Слушаюсь и повинуюсь. Бегу и спотыкаюсь, ага!». В зеркале отражается человек вовсе не готовый к вечеринке, но это не сложно исправить. Просто черным пожирнее. И блесток добавить.

Сначала уехала тетя с детьми, еще до того, как вся эта тема с запретами закрутилась. Потом двоюродные, троюродные потянулись. Бабушка соглашалась, мол действительно в Академии «ребятенков учат белиберде». Даже к декану обращалась с просьбой как-то повлиять, но тот прикрылся нормативными актами да учебными программами. А как закон об обязательном лицензировании всех выпускников ввели, так и сама сказала Лерку увозить. Ну родители и увезли на несколько лет во Францию. Год за годом вживаясь, притираясь, прорастая в ту землю, в ту энергию решили там и остаться.

Сейчас-то Лерка, конечно, вернулась, но только потому, что выбора особо не было. Родители работают, когда им в Питер срываться. Это Лерка постоянно без дела, вот и поехала уговаривать бабушку на переезд.

Друзья разъехались. Кто по работе, кто из принципа не захотел получать лицензию на использование магии. А те, кто остался... Многие однокурсницы вышли замуж, родили детей. А Лера ничего из этого не сделала, не пришлось. Вот и красит глаз параллельно прикидывая, кого бы все-таки в бар позвать, чтоб не одной в этот вечер куковать. Лишь бы не идти на Университетскую набережную. Не изображать непонятно кого.

Накрасившись, Лера упрямо берет телефон и открывает приложение для быстрых знакомств.

– Это что? Носок на лампе? Нет. Просто нет. Боги мои, алгоритмы хватит, – настойчиво проводит по экрану телефона влево и продолжает. – Он что, пьяный это писал? Ноуп. Что за нос? – Так проходит десять минут, пятнадцать, двадцать пять. Лера смотрит на часы и фыркает, выключая телефон.

«Видимо не сегодня», решает и как была, в блестящем топе и кожаных штанах, идет на кухню. Кипятит воду, достает лапшу быстрого приготовления из шкафчика, бутылку нефilterованного из холодильника. Вот такой незамысловатый ужин.

Блестки топа колют кожу до раздражения, но сил нет даже на то, чтобы снять эту вредную полоску ткани. Ей надо собраться с мыслями, выйти в город, но сделать над собой усилие кажется невозможным.

– Там аметисты заканчиваются. Буквально несколько шариков и все, – лапшу, накрученную на вилку, в рот пихает.

– Да и свечи еще б закупить, – шумно отпивает пиво с привкусом ржаного хлеба. Смотрит на часы: пластмассовые, дешевенькие. Вокруг циферблата эдакий обруч желто-сиреневый. Грязный потому, что на нем жир от многих лет готовки осел, если приглядеться, можно отдельные капли заметить. Наверняка и на прозрачной части циферблата их достаточно. Пятнадцать минут до полуночи. Лера переводит взгляд на дверь в бабушкину комнату.

– Никому не нужны эти чертовы ритуалы. Ни нам, ни богам, – и трет глаза, забыв о косметике, размазывая черное по векам, пачкая кончики пальцев. И допивает пиво, не отрывая взгляда от минутной стрелки часов. И все-таки сдается. Идет в кабинет. Роемся в стопках никому не нужных программ передач и районных газет долго, пока спина не заболит.

– О, наконец-то! – Лера находит карту города и раскладывает ее на столе, прямо поверх амулетных деталей и ингредиентов для ее небольших экспериментов. Времени убирать все это как будто и нет.

В пучок собирает пару веточек шалфея, веточку лебеды и шмоток ягеля. Мох сухой, крошится, когда она пытается оторвать кусок поменьше, но Лера торопится, спичкой чиркает

и наконец-то раскуривает травы, дым от них должен помочь, проверить есть ли авария. Но вопреки ожиданиям, дым не скапливается в каких-то определенных точках. И в форточку не вылетает. Дым просто нависает облаком над картой.

– Если бы такое было возможно... – задумчиво тянет Лера, – решила бы, что весь город полыхает.

Телефон вибрирует входящим сообщением. Михалыч, он редко ей пишет и разве что по делу. Бросив пучок трав в кружку с недопитым чаем, Лера открывает сообщение. Видео в нем не сулит ничего хорошего. Рычание, крики, вперемежку с матом – все, что слышно. Видно же только брызги крови на снегу и далекий Исаакиевский на другом берегу Невы.

– Все-таки Университетская! Да чтоб тебя! – В попытке вытащить холщовую сумку, на пол со стула валится целая куча одежды. Лера тысячу раз обещала себе держать все в порядке, купить сотню систем хранения, чтоб ровно в такие моменты все было под рукой. И пообещает еще миллион раз.

А пока она, как бешеная носится по дому, ищет зелья и блокнот с заклинаниями, пытается прикинуть, какие из них могут вообще пригодиться. Но в голове пусто разве что мячиком для пинг-понга бьется: «не-воз-мож-но-воз-мож-но-мож-но», пока сосредоточенно ищет в сундучке с артефактами нужные камни: опал, малахит, аметист – голубой, зеленой и сиреневой искрой прыгают в ладонь после парочки незамысловатых жестов. «Если на монстров не подействуют, то людям точно понадобятся».

Как это часто бывает в Петербурге, за секунду слабый, едва заметный снегопад превращается в метель, да такую, что соседнего дома не видно. Лера тяжело вздыхает и смотрит на часы. Она должна была быть на месте минут тридцать назад.

Натянув свитер и носки потеплее, она прикидывает, что еще можно взять с собой в этот импровизированный рейд. И тут же одергивает себя: да, там что-то не в порядке, но, в конце концов, на этом празднике жизни, Лерочка, ты просто сторонний наблюдатель, никакой охоты или чего-то такого не предполагается. Бабушка права. Не стоит ей брать с собой дары. Если с ними полиция поймает – несдобровать. Но другого случая опробовать в деле ее эксперименты уже может и не представиться. Да и то, что прислал Михалыч...

– А кто сказал, что полиция меня с ними поймает? – фыркает Лерка и в просторную сумку складывает со стола: прозрачные елочные шары, в которых вьется сгустками дыма, что-то черное, склянки, в одних поблескивает зеленая, а в других голубая жидкость. Прикинув, вытаскивает из тяжелой, резной шкатулки подвеску, с виду дешевую, бронзовую, на тонкой цепочке болтаются два якоря – один речной продольный, другой морской – крестообразный. Сомневается, но все же убирает его в карман джинсов.

Как только дверной замок щелкает затвором и Леркины шаги стихают, большуха поднимается с кровати и разминает плечи. Голоса и внутри, и снаружи головы галдят. Говорят, она знает, что делать. И ведьма действительно знает, как наказать официалов, которые жить не могут без любопытного сования своих ушлых носов в древнее, темное. В то, что не влезает в их рамки понимания и знаний. Голоса уверены, что она знает. И это так. Из поколения в поколение запрет на самое страшное передавался только в самый последний момент. Бабушка ей говорила, что даже в самые страшные времена нельзя это делать. Нельзя будить то, что спало сотни лет, еще до того, как восточный царь пришел в эти земли строить город из своих грез.

Но большуха уверена, ее бабушка просто не представляла, что семья будет на грани вымирания. Да из-за кого? Из-за неучей, которых сама породила! Все эти академии и школы для одаренных. Бабушка была уверена, что делает лучше. Но нет. Все пропало. И теперь большухе ничего не остается, ей придется прибегнуть к страшному оружию, которое выгонит из города всех неучей.

Надо пораскинуть мыслишки, а в пустой квартире они от страха сбиваются пыльными комьями по углам. На улице проще будет решить и решиться, уверена ведьма. Голоса предков в голове и вне подтверждают, поддакивают. А значит, она права.

Только почему-то голоса бабушки среди них неслышно?

На Литейном мосту благодать. Ажурная решетка словно сети, готова поймать любого из зазевавшихся. Русалки нет-нет, да глянут по сторонам. Порывы ветра в лицо бросаются словно самоубийцы в волны. А в голове у большухи только одно бьется, назойливо, как муха в закрытую форточку: ты все попробовала. Все попробовала. Ничего не вышло. Ничего. Ты станешь последней. Ты станешь свидетельницей гибели своего племени и причиной разрушения своей семьи. Недостаточно сделала. Не все. Предстанешь перед богами, и они тебя спросят: начистоту признайся Нюра, все сделала? Ты им закиваешь, болезная. А они пошлют тебя в дали дальние, прозябать в холоде и забытии. Только потому, что неправду сказала. Соврала. Ибо был еще вариант, да, Нюра? И сейчас есть этот вариант. Только о нем ты мысли и гоняешь из угла в угол поганой метлой. Да не хочешь на себя ярмо ответственности натягивать. Так какая же ты большуха? Такой большухе ни семьи, ни племени не положено. А уж города и подавно.

От ветра или от позора у старухи глаза слезятся, торопливо она ловит соленые капли подрагивающими пальцами, пока в морщинках не заблудились. Другой рукой достает из кармана шубы помещающийся на ладони ритуальный серп. И те же пальцы, что от мокрого, соленого уже начинают замерзать кончиком серпа чик, пока кровь не выступит. Как только скромная капля выглядывает из тепла на морозную улицу, мажет ею снег на перилах соленым и железным, прозрачным и красным. Нарушая запрет как дикарка. С серпа кровь по снегу вытирает, добавляя: «poigu sorsa tulla»¹.

Ветер эти слова не подхватывает, не уносит, они камнем падают на дно Невы. Если прислушаться, можно услышать глухой удар. Большуха замирает с закрытыми глазами, словно ребенок, который, помолвившись, верит, что разбитая ваза обнаружится целой до прихода родителей. Боится открыть глаза и увидеть осколки. А точнее, что ничего не изменилось.

«Ну точь-в-точь дикая. Разве не так запугивали лапотников в новостях, добивались молчаливого согласия на заповедники для нас?» – старуха передергивает плечами, и поднимает ворот шубы, чтобы не так промозгло. Оглядывается: город все так же шумит и неторопливо живет.

Появляется надежда, что ничего не сработало и не было никакого запрета, никакого ритуала, никакого наказания. Что все это просто сказки. Сказки про дремучие времена человеческих жертв. Сказки для запугивания детей. Она убирает серп обратно в карман и спешит домой. Уговаривает себя, что надо успеть, пока Лера не вернется, но на самом деле просто хочет поскорее покинуть это место. Надеясь, раз ничего не случилось, может получится забыть. Выкинуть из головы, вымести из углов эти комки пыли и сделать вид, что не была в шаге от вероломства.

Старушка торопливо семенит к набережной, подальше от моста, подальше от Невы. Домой-домой-домой. Нога-предательница подворачивается на льду. Неловко, нелепо, большуха снова хватается за поручень: – Да чтоб тебя! – чертыхаясь сквозь зубы, восстанавливает равновесие, но бедро все же отзывается глухой болью.

Лера появляется у сфинксов, когда несколько егерей уже лежат без чувств, остальные с трудом, но держатся на ногах. Грифоны надрываются, кричат, летают над командой, из-под

¹ (карел.) Сын утки приди!

тишка все пытаются ударить по голове твердым носом. Знают твари, что делать. Сфинксы, накрытые заговоренными сетками, явно не желают этого терпеть – рвут их когтями.

– Где успокаивающее зелье? – кричит Лерка сквозь ветер, и сама не знает слышно ли.

– Так оно уже в них! – Костя, а это именно он, поворачивает на голос и замирает, глазам своим не верит, а ведь грифоны и ему могут голову пробить. Лерка одного такого, дерзко подлетевшего слишком близко, вырубает своим успокаивающим заговором. Грифон тут же падает, не засыпает, но обездвижен, а значит, уже не навредит.

– Это что ж, ваши лаборатории и зелье простейшее сварить не могут? – Костя тут же подскакивает к грифону и помогает Лере связать чудовище заклинанием.

– С большими и древними сфинксами так легко не получится, – цедит Костя сквозь зубы, будто ненароком игнорируя упрек бывшей однокурсницы.

– Годами получалось, а тут вдруг нет? А давно ты здесь начальник? Может не в зелье дело? – закатывает глаза Лера и подзывает егерей, кидает Савеличу усыпляющий дар – шарик, елочная игрушка, в безнадежности февральской ночи чуть светящийся голубым светом.

– Эта же штука вряд ли зарегистрирована? – шурится Костя.

– Сейчас будешь это выяснять? – изо рта Леры вместе с паром вырывается смешок. – Угомонись, ботаник.

И достает из сумки второй такой же шарик. Размяв пальцы, она первым делом кидает заговор укрепляющее сеть и колышки. Каменная спина сфинкса напрягается, веревки трещат, но не лопаются.

– Ну что, киса, поиграли и хватит. Пора спать, – голубой шар летит прямо в лоб возмущенного от такого обращения лица. Но уже через секунду это не имеет значения – сфинкс валится на постамент и едва ли теперь отличается от обычной спящей кошки. Разве что над Невой теперь разносится грудной, булькающий храп.

Волшебники выдыхают облегченно.

– Если такое со всеми тварями, то надо поторопиться, – перебивает это облегчение Михалыч, растирая замерзшие пальцы. – Ещё бы понять, что это было...

Его слова вязнут в порывах ветра, которые все настойчивее звучат как чей-то очень колющий смех.

Костя стоит в стороне и с кем-то переговаривается по телефону. Фразы короткие, хлесткие, как затяжки сигаретой, что он делает между разговорами. Как взгляды, которые он на Леру кидает.

– Не отвечает только одна бригада, – Костя выдыхает дым в сторону и тушит сигарету об облицовку набережной. – На Воскресенской.

– Место там, конечно. Не удивительно, – кивает Михалыч. – Ну ничо, щас портал откроем, одной ногой здесь, другой там.

Лера качает головой: – Вот ещё. Меня бабушка на месте прихлопнет, если узнает, что вас туда отпустила.

И не дожидаясь ответа, создаёт портал. По крайней мере, пытается. Арка портала, обычно напоминающая кусочек звездного неба в огранке, сегодня то расширяется до низких туч, то схлопывается в щель. Искры летят во все стороны, да потрескивание какое-то нездоровое. Михалыч сплевывает себе под ноги.

– Черт-те что, а не ночь.

Лера беспокойно смотрит в сторону Петропавловки, но Костя знает: на самом деле дальше. Туда, где напротив Крестов когда-то установили страшных бронзовых монстров с половинчатыми лицами.

– Здесь пешком часа полтора, – Лера смотрит на Костю сосредоточенно, пристально, будто насквозь. Как когда-то на экзамене, чтоб он ей подсказал правильный ответ.

– К тому времени твари сожрут бригаду и перейдут на бездарей, – качает головой Костя. И Лера решается и снова улыбается ему – знает, Косте это всё ой как не понравится.

А Косте и не нравится, он уже оценил, как Лера со сфинксами справилась, что ни артефакт, то контрафакт. Как потом это в отчетах объяснять, чтоб ее не подставить.

– Судя по порталу никому быстро туда не добраться, – хмуро качает головой Костя.

– За себя говори, – фыркает Лера и из сумки достает медный кулон: перекрещенные морской и речной якоря.

– А если я на эту штуку спрошу у тебя сертификат, ты мне скажешь... – тянет Костя и снова закуривает.

– Что всё не регистрируешь, товарищ начальник, – хмыкает Лера.

«Ну точно самопал», – решает Костя.

– Да у тебя этих штук уже лет на десять, ты издеваешься?

Лера игнорирует. Ей, вообще-то, плевать, егерей спасать надо.

– Ты только с ним осторожно, ладно? Из рук не выпускай, – Костя Леру такой серьезной никогда и не видел, молча кивает, что понял.

Лера подходит к нему близко-близко, обнимает, вцепившись в спецовку.

– Раскручиваешь его и в сторону нужного места направляешь.

– Знаю я, – недовольно бурчит Костя и неловко недокуренную сигарету выкидывает.

– Думала, в Администрации такими не пользуются, – ехидно улыбается подруга.

– Не пользуются, – выдыхает Костя и с силой, словно лассо, раскручивает кулон. Представляя перед собой печальный памятник Ахматовой, красные стены тюрьмы и чёрные лица сфинксов: наполовину прекрасные женские, на половину черепа. В следующую секунду сердце ухает в груди, и земли под ногами больше нет.

Приземлившись кубарем, они оказываются в центре битвы. Пытаясь встать, Лера запинаясь о лежащее на животе тело и снова падает. От удара головой перед глазами темнеет. Звериный рык и стоны раненых бьют по ушам. Кто-то пытается поставить её на ноги, подхватив подмышки.

– Жива? – голос у Костика испуганный, лицо размытое, руки подрагивают.

– Угу. Помоги подобраться к сфинксам.

Синхронно оглядываются: одна тварь уже у памятника Ахматовой, вторую всё ещё удаётся сдерживать сетью на набережной.

– Подходи со стороны черепа, так должно быть проще, – кивает он Лере и бежит к памятнику.

«Почему тварь сидит на месте, наклонившись к земле?», – мелькает в мыслях, но Лера старается отогнать их. Как старается не замечать подрагивающие в судороге ноги егеря рядом с монстром.

Лера достает из сумки стеклянный шар, а в нем узоры золотые да черные свиваются, путаются, как комок змей, который только этот стеклянный шар и сдерживает. И замахивается, кидает в сторону сфинкса, к которому Костя бежит. Шар разбивается, и Костя выхватывает тяжёлую сеть, останавливается, накручивает часть искрящегося полотна на руку и с пол оборота швыряет вперед. Как невод, с которым отец ходил рыбачить, сеть раскрывается в воздухе, грузики тянут вниз. Сеть словно парашют полностью накрывает сфинкса. Грузики под действием магии врезаются сначала в снег, а потом и в асфальт. Истошный визг сфинкса режет слух, львиные лапы упираются, спина напрягается, пытается порвать. Но эта магия непривычная, несуразная, дикая. Фокусы и грубая сила на нее не действуют. Сфинкс снова кричит, но на

этот раз не от досады. Сдерживающее заклинание сети оставляет глубокие рытвины на гладких металлических боках.

Вокруг кровавые пятна и сломанные тела. И два чудовища, готовые в любой момент порвать людей на кусочки. Лера шарит в сумке, даже не пытается туда смотреть, чисто на ощупь. Но не находит ничего подходящего. Костя шепнув в карман секретное слово, достает топорики с рунами на рукояти. Лере один отдает.

– Нельзя их убивать, – кричит Костя.

– А им нас, значит, можно, – фыркает Лера и все равно замахивается на ближайшего монстра. Костя что-то еще кричит, но Лере все равно. Стальное полотнище – не лезвие, не поранит, только оглушит. Дезориентированного сфинкса усыпить проще, да и эти не египетские все-таки.

Второй сфинкс все-таки вырывается из-под магии казенной сети – будто бы стон товарища добавляет сил и злости. Благо Костя вовремя замечает и топориком вырубает чудовище так и не успевшего добраться до Леры.

– А, так если нельзя, но очень хочется, то можно? – выдыхает она, когда порыв морозного ветра сбивает с ног, уносит на несколько метров. И снова этот злорадный смех.

– Вот же ж, – сквозь зубы цедит Костя и упирается руками в колени, пытаясь отдышаться.

Хоть эти и не египетские, моложе, но накопили столько негативной силы, мыслей, энергии места, кажется, они оба еще неделю с кровати не встанут.

– Кость, – Лерка бьет его в плечо и оглядывается, но никого не видно. Только слышно. Смех, ледяным ветром врывающийся в легкие и под одежду. – Чей это голос?

Соболев пытается наколдовать хоть небольшой огонек, но ничего не выходит, даже самой маленькой искры. А около Леры снег поднимается в высокий силуэт. Костя снова чертыхается, накидывает парочку обездвиживающих на сфинксов и подбегает к ней, как раз в тот момент, когда выюга складывается в сморщенное лицо старика, местами облезлую шубу, корявые пальцы, посох и глаза голубые, прозрачные. В эти глаза страшно смотреть, будто только от взгляда можно умереть.

– Кто ты? – выдыхает Костя.

– Отродье богов, какие же вы жалкие, – голос старика морозным треском проникает под кожу.

Леру передергивает, волосы покрывает инеем, щёки – нездоровым румянцем.

– Беспольные несчастья своей земли, – снова смеется незнакомец. – Вы даже знание о своем злейшем враге не сохранили. Беспечные и тупые. Ну ничо-ничо, это не значит, что я дам вам фору.

Где-то за его спиной одновременно далеко и близко плачет младенец. Услышав рыдания, Лера что есть силы сжимает пальцы на топорике, какое-то безумное бесстрашие толкает ее вперед. Она подпрыгивает и бьет топором по посоху, выбивая явно древнюю палку из старческих, но крепких пальцев, замахивается обычным, усиленным жалкими рунами, на древнее, темное. Бог стоит как вкопанный, не шелохнется, только усмехается на подобную дерзость.

– А ты мне нравишься, девка, – незнакомец шурится и исчезает, с ним затихает и плач.

– Что это было? – спрашивает Костя, Лера молча качает головой, подходит к нему и взбалмошно сует руку в карман куртки бывшего однокурсника. Достает пачку сигарет, искра-вторая и ведьма закуривает. Вдыхает вишневый табак и вместе с клубами дыма выдыхает нервный смех. Костя вопросительно смотрит на нее: – Мне еще и тебя в психушку сдавать?

Лерка качает головой и вытирает наворачнувшиеся от смеха слезы. В ее кармане звонит мобильный. Вокруг них с глухими хлопками открываются и закрываются порталы. Врачи бегут к телам, полиция к Косте, егеря к Лере.

С едва сдерживаемым рыком Лера сбрасывает вызов. Ловит вопросительный взгляд Костика: – Мне пора.

– Что-то серьезное? Могу помочь? – вопросы вылетают быстрее, чем он может прикинуть, что, вообще-то, с такой заварушкой, как сегодня, ему бы побыстрее сообщить начальству, отчет подготовить, сдать зелье на экспертизу, почему не сработало.

Заметив еще один портал, Костя щурится, рассматривая пришедших. Нечитаемые лица. Плащи легкие не по погоде. «Третий отдел, конечно, уже здесь», – мысленно чертыхнувшись понимает Костя. С таким раскладом экспертизой займется не он. Как бы им ни занялись.

– Это из травмы. Говорят, бабушку надо забрать. И чего она поперлась на улицу, – Лерка судорожно выдыхает, понимая, что площадь оцеплена, портал прямо здесь не откроешь. Из-за глушилок он просто не откроется.

– Я бы тебя подбросил, но... – Костя разводит руками.

– Совсем в бездара превращаешься, – качает головой Лера. – Порталом туда и обратно.

– Подумал, чтоб не растрясло, – смущается Костя.

– Ага, в машине не растрясет, конечно.

– Я помогу, – Костя замечает, как Михалыч, все равно что медведь, неловко жметя, с ноги на ногу переступает, предлагая помощь.

– Ты мне здесь нужен, – качает головой Костя. – Спецы вон появились. Допросы, отчеты, сам понимаешь.

– Хватит здесь народа, чтобы показания дать. Я ничего нового не убавлю, не прибавлю. Все равно никто не знает, что это было.

– Михалыч, – угрожающе тянет Костя, но егерю все равно.

– Отчет подпишу, не вопрос, но сейчас надо бежать, товарищ начальник, хоть что делай, – и под руку так, аккуратноенько, Леру из-под щита уводит. Так аккуратно, что никто из полиции его не останавливает. Михалыч знает, что не уволят, рабочих рук в городе и так не хватает.

А на Костю словно все разом наваливается. Усталость бьет под дых и не дает вздохнуть. Ему бы сейчас домой, закутаться в одеяло и лежать, пока о нем все забудут. И чтоб Кот под боком.

– Соболев Константин Евгеньевич, – внезапно раздается за спиной, и Костя дергается.

Как всегда, общение с Третьим Отделом не вызывает ничего, кроме желания сбежать, желательно в другой город. Комок змей за солнечным сплетением просыпается и щекочет изнутри, прокатываясь по внутренностям прохладной чешуей.

– Вы здесь главный, так? – Костя кивает. – Судя по спискам не хватает Анны Васильевны Юровой, чухонской ведьмы.

Костя едва сдерживается, чтобы не поморщиться. Да, офицер не отпускает смешков или комментариев по поводу большухи, как часто делают коллеги, но это и не нужно. Офицер говорит пренебрежительно, кривит губы. Как дергаются ноздри, будто тот наступил в кучу дерьма, Косте не нравится. Но это Третий отдел, а значит нужно быть очень вежливым: – Чухонской большухи сегодня не было. Вместо нее внучка помогала...

– И судя по разговорам ваших сотрудников, она появилась очень вовремя.

– Так и есть, думаю, если бы не она...

– Как удобно. Сфинксы взбунтовались именно в тот вечер, когда Анна Васильевна не смогла выполнять свои обязанности, – офицер даже не скрывает саркастичный тон. А что, может себе позволить.

– Это не совсем обязанности...

– А ее внучка, – офицер перебивает Костю и в лице не меняется. – Поправьте меня, если ошибаюсь, но именно ее кустарные, скорее всего произведенные без разрешения зелья и артефакты сработали на тварей. В отличие от министерских.

– Не знаю, на что вы намекаете, но...

– А я не намекаю, Константин Евгеньевич.
– Лера сегодня нам очень помогла. Она так же рисковала жизнью.
– Ну, так же или нет, это не вам решать, – хмыкает офицер, мол это мы еще посмотрим.
– Лера свидетель. Такой же, как я или любой из егерей.
– Ой ли? Знаете, как говорится: была бы ведьма, а нарушение найдется.
– Слушайте, но это уже как-то чересчур, палит Костя и тут же жалеет. Конечно, если бы он не был выжатым. Если бы не искореженные тела и застрявшие в ушах крики. Он бы сдержался. Следовало сдержаться.

– Да вы не беспокойтесь. Мы и вас проверим.

– Хорошо. Не проблема. Мне скрывать нечего, – Соболев ловит на себе пристальный взгляд второго, очень молчаливого офицера и ему становится не по себе. Мотнув головой, Костя решает настаивать на своем: – Слушайте, я уверен, Лера пойдет навстречу и все пояснит. И все расскажет. Вызовите ее, даст показания, без масок-шоу обойдемся. Сейчас она ушла не потому, что скрывает что-то. А потому что бабушка заболела. В конце концов, они ж не террористы какие. Считайте просто безобидные антиваксеры.

– Грань очень тонкая, Константин Евгеньевич. А вы не расслабляйтесь. В вашу сторону мы начинаем служебную проверку. Как никак три человека погибли, еще двое в тяжелом состоянии, в реанимации. Сами понимаете. Начальство ваше уже в курсе.

– Арестуете?

– Ну зачем же так сразу. Подпишите бумажку, что никуда из города не собираетесь, и езжайте домой, к своему коту.

Костя замирает как вкопанный, когда офицеры кивают ему и уходят. На то, чтобы уговорить себя сдвинуться с места, уходит пять минут. Нет, десять. Все пятнадцать. А в голове только: «если они так уверены, что каждого можно в чем-то обвинить... А что, если для них я уже виноват?»

– Ну что стоишь, – нетерпеливо дергается Лера и, спохватившись, Михалыч несет большуху в кровать.

«Благо не сопротивляется, что официал у нее дома, официал несет ее на руках, официал помогает ей!» – тяжело вздохнув, как только бабушка укладывается, постанывая, она стягивает с нее ботинки.

– Пить хочешь? – бабушка качает головой. – А есть? – бабушка выдает какой-то смутно отказывающийся звук. Лера списывает все на обезболы. – Ладно, спи тогда. Если что звони, – и показав пальцем на лежащий рядом мобильник вырубает свет и выталкивает Михалыча из комнаты.

– Вы звоните, – Михалыч замирает на пороге квартиры так и не успев раздеться. С одежды тает, стекает снег и собирается возле него лужей, – для большухи ничего не жалко.

Лера неловко кивает. Это подобострастное отношение к бабушке. Нет, она ее любит, конечно, но такое никогда не понимала. И вряд ли поймет уже. Это раньше к большухе и за советом, и за лекарством, и за благословением заходили. Сейчас Лера уверена, все иначе. Поэтому, когда Михалыч ей напоследок чуть ли не кланяется... О, как она на него злится. Цедит сквозь зубы «вам пора», а сама уже готова хватать зонт-трость, висящий рядом с входной дверью. А что, вряд ли он обвинит внучку большухи в побоях, да?

Сдержаться получается только потому, что уже через секунды она входную дверь за Михалычем закрывает. Игнорируя очередные предложения помощи. Закрывает и выдыхает. Благодатная тишина квартиры обнимает, расслабляет, как горячая ванна, в которую погружаешься, околева.

Пара смазанных пасов пальцами, ленивых, усталых и лужа с пола испаряется. Решив, что и работать сегодня она уже не сможет, но и вряд ли заснет, Лера идет напрямик на кухню.

«Бутерброд все исправит», – говорит сама себе. А к столу уже плывет нарезанный хлеб, ломтики сыра и колбасы. Собираются в аккуратную стопочку на блюде, хоть сейчас в микроволновку ставь. Надо только... Лера достает кетчуп и брызгает на сыр несколько капель.

В комнате тут же темнеет. Ведьме приходится схватиться за столешницу, чтобы не упасть. Она уговаривает себя дышать. Она уговаривает себя сесть на пол и просто дышать. Глубокий вдох носом, выдох ртом. Раз-два-три. Убеждает: цвет совсем не тот, вообще непохож. А перед глазами все равно искорёженное яростью лицо сфинкса и на черном металле впалых скул поблескивает красное, густое на морозе.

Звонок в дверь не вызывает облегчения. Назойливый звук заставляет подняться и пойти открывать. Хоть он и значит, что придется с кем-то разговаривать, а Лера не хочет. Мелькает мысль, что можно прикинуться. Можно не открывать, сделать вид, что не услышала, что спала.

Но беспокойство о бабушке, что это оглушительное дребезжание звонка ее разбудит, действительно заставляет Леру подняться.

Глянув в глазок, она бессильно матерится и все-таки открывает дверь, тут же впуская Костю в квартиру. Еще не хватало, чтоб особо любопытствующие и вечно мучающиеся от бессонницы соседки решили, что она к себе мужиков водит, пока бабуля спит. Да и ладно б мужиков, но Костя...

– Вешалка, тапки. – Ткнув пальцем, Лера терпеливо ждет. Понимает, что просто так бывший однокурсник не завалился бы в три часа ночи к чухонской большухе.

Костя осматривается. Он помнит эту квартиру другой: теплой, уютной. Сейчас же. Нет, в ней не холодно. Можно даже сказать теплее, чем у него дома, но само ощущение: холодное и серое. Он помнит на этих стенах обои с цветами и жар-птицами, но Лера, кажется, сделала ремонт и теперь в коридоре белый свет бьет по глазам, ослепляет. Как и белые обои со строгим серым геометрическим рисунком делает больно на физическом уровне. Превращаюсь в одного из этих «раньше было лучше», думает Костя в ужасе и отпихивает эти мысли куда подальше. Нормальные обои, что он выдумывает.

– Чай или что покрепче?

– Чай. Мне за руль еще. Хочется сегодня домой попасть.

– Не смею задерживать, – фыркает Лера. Костя дожидается пока, она пойдет на кухню. Резко выдохнув, будто набравшись смелости, он шагает за бывшей однокурсницей. И успевает застать, как Лера подогревает воду в чайнике одним щелчком пальцев. Кидает в большие кружки тканевые мешочки, наполненные травами, и заливает их кипятком. По кухне разносится глубокий аромат ромашки и еще чего-то.

– А с ромашкой что? – Костя с любопытством смотрит на жидкость, как та медленно приобретает цвет.

– Не бойсь, не отравлю, – хмыкает Лера и первая отпивает из кружки. – Эхинацея. – И тут же продолжает: – Ну что там по протоколу обычно у бывших одноклассников спрашивают: как ты? Жена, дети?

Но Костя игнорирует такое бытовое любопытство. Или попытку отвлечь. Зависит от того, что у Леры на уме. За ее спиной дзинькает микроволновка и она достает пышущий жаром бутерброд. Костя не может не поддаться:

– В лапотника превращаешься?

– Так вкуснее, – жмет плечами ведьма и, наконец, садится за стол. И тут же совершенно серьезно: – Нам нужно готовиться, да?

И Косте бы ее успокоить, сказать, что никто их не тронет. Не придет с обысками и не будет обвинять, только допросят. Но Костя сомневается, что у него получится сказать это достаточно уверенно. Достаточно, чтобы поверить самому. Про Леру с ее интуицией вообще говорить нечего. Проще промолчать.

– Прямо сейчас меня интересует только одно: что пошло не по плану и почему оно собственно так сложилось. И не меня одного, – Лера понимающе кивает и продолжает задумчиво жевать бутерброд. «Задумалась? Боится говорить в открытую?», мелькает в голове, «думает, что за их квартирой следят? Или точно знает, что следят?» – хоровод мыслей в момент закручивается параноидальной спиралью, на конце которой только один вопрос: «А если ты об этом подумал, значит, тоже опасаясь? Так, может, есть чего?».

Костя тоже задумчиво молчит. Он иногда думает, что какой-то неправильный, слишком заикливается. Особенно на ошибках, но ничего с этим поделать не может. И крутит в мыслях каждую деталь вечера, пока не поймет, что не так, ведь у него все и всегда отлично спланировано. И не заснет, скорее всего, пока не... Зато он точно сможет обезопасить Леру, даже если к ним завалиться с обыском.

– Артефакты все-таки придется изъять.

Лера откидывает в раковину чайную ложку, которой размешивала мед в чае. Стальная ложка, да об стальную раковину. В полной тишине. Костя уверен, именно так звучит ее раздражение.

– А это и не артефакты. Это дары, – она все-таки находит что ответить. – Даже не так. Можно сказать, обереги.

– Это казуистика, – парирует Костя и дует на все еще горячий чай. – Мы оба знаем, что обереги не так работают.

Лера фыркает, то ли делает вид, то ли ей на самом деле всё равно: даром больше, даром меньше. Костя уверен, если начала, то сколько бы он вещей ни изъяс, она новых наделает и никакой закон не помеха. Ведьма со стуком ставит кружку на стол, стремительно выходит. Не проходит и минуты, как на стол из сумки высыпаются камушки, блокнот, шарики – какие-то наполненные магией, какие-то нет.

– А якоря где? – Костя будто сканирует предметы. Забирает только несколько заряженных шаров, пустые оставляет.

Лера хмурится, осматривает содержимое сумки. Качает головой:

– Кажись, где-то на набережной остались.

– Ты ж понимаешь, что там все прочешут.

– Это все? – дает понять, что разговор окончен.

– Вроде да, – кивает Костя и снова берет кружку, снова дует, но только собирается отпить душистый напиток, как слышит:

– Значит, тебе пора, – отрезает Лера и встает. И не садится, ждет, пока он встанет. Провожает до прихожей.

– Лер...

Она молчит, поэтому Костя послушно влезает в насквозь мокрую одежду и едва ли сухие сапоги. С мыслью, что лучше в парадной все высушить. И разве что кивает на прощание. Хлопок старой двери звучит однозначно и без сожалений. Как бы давая понять, что хозяйка еще вечность ни с кем из администрации дело иметь не намерена.

Глава 2

— А газеты на стены, зачем клеят, по-твоему?

— Так обои крепче держатся, сцепка со стеной. Все такое.

Лера и Костя жмутся друг к другу под хлипким зонтом. Штормовой ветер, а тоненькие спицы не гнутся, не выворачиваются. Магия.

— А вот и нет. Так, стены укрепляют, — Лера замечает подозрительный взгляд друга. — Ну что ты на меня так смотришь? На страницах история отпечатана. История народа — это особая энергия. И вот ею оклеивают стены, чтобы семья крепче была...

— Но есть же те, кто это делают и газеты не срабатывают.

— Потому что это только часть ритуала, — жмет плечами Лера и подталкивает друга в арку двора-колодца.

«Этот двор еще Достоевского помнит!» — мелькает в голове Кости. Ветер пробирается за ворот пальто, холодный сентябрьский дождь попадает на разгоряченную быстрой ходьбой кожу. Костя ежится. Сейчас бы дома сидеть, в «Ведьмака» играть, а падающие желтые листья видеть только в окно. Но нет. Костя, лучший студент на потоке, о современной магии знает все, а здесь такой шанс. В учебниках о потомственной магии написано мало, информация сухая, без подробностей. Все, что нашел про празднование осеннего равноденствия, прочитал за несколько часов: накрывают праздничный стол, готовят из овощей и фруктов, украшают ветками и цветами, благодарят природу за урожай. Ну да, так он и поверил, что все исключительно просто.

Пиликанье домофона отвлекает Костю.

— Это я, — Лера собирает зонт и забегает в парадную. Костя следом.

— Знаешь, когда я еще только собирался переезжать, мне казалось, что называть подъезд парадной — это просто снобство, — оглядывая огромные, украшенные витражами окна, Костя замер на месте.

— Ты, наверное, и про шаверму так думал, — Лера кивает в сторону лестницы.

— Всем на Кавказе известно, что шау... — договорить не получается. Подруга закрывает ладонью рот.

— Нас ждут, давай быстрее, — и Лера бежит вверх, только успевай за ней.

Дверь в квартиру уже открыта. Из коридора пахнет запеченной тыквой и корицей. И почему-то...

— Чеснок? Только не говори, что от вампиров, — хмыкает Костя, снимая пальто. Даже первокурсники знают, что в северных широтах обитают исключительно энергетические вампиры, а от них чеснок не помогает.

— О, ты удивишься, — таинственно улыбается Лера, оставляя на пороге насквозь мокрые кеды. И тянет за руку.

Коридор такой длинный и темный, кажется, это портал в другой мир. Так и есть, понимает Костя, когда оказывается на освещенной желтым светом кухне. Прямо по центру длинный стол, за которым десяток женщин разных возрастов чистят, режут, перемешивают. Колдуют, в общем.

— Моя особенная девочка, — бабушка во главе стола тянет руки и обнимает внуку. — Вы вовремя. Скоро мы со столом разберемся и начнем.

— Если помощь нужна... — все оборачиваются на Костю. Главное — вовремя понять, что ты один в женском коллективе, так сказать.

– Да мы уже все, — улыбается бабушка. — Покажи хлопцу, где у нас руки помыть можно, — это уже Лере.

Лера хватает дольку яблока, прямо из-под бабушкиного ножа, не обращая внимания на ее упреки, хохочет и убегает. Опять Косте ее догонять.

– А это? — квартира пропитана магией, Костя чувствует. Наверняка все стены газетами правильно обклеены.

– Баба Ньюра. Моя бабушка, — свет в ванной получается включить только раза с третьего. Лера щелкает пальцами, бормочет что-то под нос, и тогда электричество добирается до лампы.

– Она — Верховная?

– Это в «Американской истории ужасов» может быть верховная, а она — Большая.

– Аутентично, — хмыкает Костя, намыливая руки.

– Ты же в курсе, что неправильно используешь это слово?

– Питерский снобизм, — глубокий выдох.

* * *

– Ну, пожалуй, начнем, — баба Ньюра улыбается всем в кухне.

Нарядные и замершие, словно статуи, женщины будто только этой улыбке и ждут, все начинают двигаться, даже Лера. У нее в руках появляется корзина с помидорами, у старушки напротив целая простыня тонкого лаваша. Костя замечает даже литр кефира из соседней Пятёрочки. На столе появляются соленые огурцы, кочан капусты и целый противень ароматного — в специях — мяса.

– Это точно ритуал? — с сомнением спрашивает Костя.

– Смотри и удивляйся, — хитро щурится Лера, и друг понимает: она специально не вдаётся в подробности, чтобы потом подшучивать над его вытянувшимся лицом. Костя фыркает и обещает себе сдержаться, что бы здесь ни произошло.

– Это случилось давным-давно, — голос бабы Ньюры как будто становится крепче, громче. — Каждый год люди праздновали сбор урожая и знали: солнце теперь низко, Укко-старик и не может греть смертных как летом. В день новолетия провожали его за тридевять земель. А каждую весну ждали его возвращения молодым и сильным. Переродившемся. Но в тот год что-то пошло не так, и люди не дождались весны...

Косте сложно следить за всем происходящим, но он пытается: помидоры нарезаются тонкими кружочками, как и огурцы. Капуста на глазах превращается в хрустящую соломку. Но главное колдовство происходит с кефиром: в плоску летят специи, мелко нарезанные чеснок и зелень.

– И пошла тогда Прародительница за тридевять земель искать Укко. Мешали ей мороз и выюга, но Прародительница была умна не по годам: оделась тепло и припасов с собой взяла в достатке. Звери помогли ей найти дорогу, деревья укрывали от дождя, птицы подсказали, как правильно завести разговор со стариком. И вот дошла Прародительница, и видит, лежит Укко, бел как снег и пошевелиться не может. Покинули деда силы. Бросилась к нему Прародительница и давай согревать, ноги-руки растирать, причитать и уговаривать, чтоб вернулся он к людям. А Укко ей на это: дуреха, есть, что в рот закинуть? Даже маковая росинка подойдет. Но не было у Прародительницы маковой росинки. Она заглянула в суму, нашла недоеденный огурец, маленькую помидорку, чуть обветренный кусок мяса.

– Только не говори, что и лаваш... — бурчит под нос Костя, а у самого брови на лоб ползут. На разложенный лаваш целыми горстями укладывают овощи с мясом, все это добротнo поливают соусом и начинают лаваш закатывать.

– Это же шау... — резкая боль в колене не дает договорить.

– Еще раз услышу, как ты пытаешься шаверму неправильно назвать — выгоню, — Лера возмущенно смотрит на друга.

– Да что не так-то? — шипит Костя

– В ритуале каждое слово важно!

– Знаю, не первак!

– Из-за твоего вот этого, как на Кавказе называют, ритуал не сработает. Все усилия зря, и нам всем потом мучиться. Тебе это надо?

– Н-нет?

– Никому не надо. Слушай лучше.

– Попробовал Укко кушанье, что для него Прародительница приготовила и моментально силой наполнился, помолодел. Соус по локтям тек и там, где на землю капли упали, весной появились подснежники. И вернулось тепло в наши земли. И настолько был поражен бог, что подарил Прародительнице силу магическую. И сказал, что у всех потомков эта сила будет, пока они ритуалы соблюдать не бросят. Так и повелось: каждый год мы собираем Укко самую вкусную шаверму, и он возвращается могучий и приносит с собой весну, — улыбается баба Нюра и как в ладони хлопнет, а хлопок этот оглушительный, как раскат грома прямо на кухне. Свет в комнате будто кто-то выключает. Аромат яблок, корицы, тыквы перекрывает запах чеснока и жареного мяса, хоть и кажется, что это невозможно. Когда на кухне светлеет, Костя понимает почему: гигантской шавермы, собранной трудолюбивыми родственницами Леры нет. И никто не испуган. Женщины улыбаются и поздравляют друг друга, прям как с Новым годом.

– А теперь давайте праздновать, — снова баба Нюра хлопает в ладоши и в одно мгновение на столе появляются пироги и пирожки, напитки в кувшинах и цветы в вазах. — Надеюсь, понравится Укко угощение.

* * *

Костя не может усидеть на месте, то и дело тербит скатерть.

– Ну, спрашивай давай, — снисходительно смеется Лера, а сама тянет себе в тарелку кусок тыквенного пирога.

– Шаверма? Серьезно? — Костя есть не может от перевозбуждения. Ему бы прямо сейчас бежать да записывать все услышанное, пока помнит.

– Ну ты же сам все видел, — жмет плечами подруга и набивает рот.

– Получается, что на осеннее равноденствие вы кормите древнего языческого бога шавухой?

Лера чуть не давится от смеха и только отдышавшись кивает.

Атмосфера Нового года захватывает. Все шумно обсуждают прошедший год, играет музыка, только фейерверков за окном не хватает.

– А на весеннее? — продолжает свой допрос Костя.

– А что в Питере весной едят? — Лере слишком весело, чтобы отказать себе в удовольствии. Пусть друг отгадает. Она берет тарелку и относит ее к раковине. Там же и останавливается.

– Не-е-ет, — Косте, конечно, приходится идти следом.

– Сам догадаешься? — Лера оборачивается на бабушкин окрик. Кричит ей в ответ: «да он сам пристал» — и снова поворачивается к Косте.

- **Не говори, что корюшку.**
- **Ладно, молчу, — кивает Лера и идет из кухни в коридор.**
- **Лера! Лера! — и Косте снова приходится догонять подругу.**

Назойливая, стандартная мелодия телефона орет на всю комнату. Лера стонет, не отрывая лица от подушки, и выключает телефон, уговаривая мозг показать ей что-нибудь приятное, например, Тома Харди, который готовит ей завтрак. Солнечные лучи уже начинают бегать по татуировкам на коже актера, нос щекочет запах жареного бекона, а Лера всего в шаге от мускулистой спины, до которой так хочется дотронуться, погладить, провести ногтями, подразнить до мурашек... Звонок повторяется и заставляет Леру выбираться из ее совершенно выдуманного, пасторального утра в серую реальность. Она смотрит на экран. Там написано «бабушка». Шумно выдохнув, садится на кровати: трет глаза – на пальцах остаются блески и размазанные черные тени. Лера зеваает и поправляет сползший блестящий топ, застегивает пуговицу на узких джинсах и встает. Ей кажется она все еще пьяна. То ли голова кружится, то ли комнату вертит как кабинку в карусели. Прикрыв глаза, она пытается сконцентрироваться на дыхании и, едва поднимая ноги, идет на кухню, придерживая стенку. Ей нужно умудриться сделать завтрак, да так, чтоб от запахов не вывернуло.

В кабинете Хухулева всегда дубак. Говорят, он делает это специально, чтобы подчиненные в его кабинете не задерживались, чтоб все как на иголках сидели. На таких то-онких, ледяных, пронизывающих все тело иголках. Говорят, он после академии служил на севере, поэтому в Питере ему вечно жарко. Говорят, кабинет главы Администрации проклят Семей с тех пор, как был подписан закон о лицензировании ведьм, артефактов и зелий. Костя всегда говорит коллегам, что правдивы все версии. Сам не верит ни в одну. Разве что последняя теперь не кажется такой уж маловероятной.

Собрания Хухулев всегда проводит многочасовые. Закаляет, шутит Костя, а потом жалуется на хронический насморк, какого у него в Сибири не было.

– Какие предложения? – голос начальника сотрясает стены. Все сидящие за этим огромным овальным столом, предпочитают внимательно изучать узор столешницы, чем смотреть на помощника губернатора.

«Предложить этим бездарям жевать тщательнее и запивать блины водичкой», – ехидно думает Костя и хоть удивляется этому хладнокровию, уверен, что примерно так и ответит, если спросят.

– Соболев, что делать будем? – и ведь спрашивает, чертыхается Костя, но вопреки своим дерзким фантазиям судорожно выдумывает другой вариант:

– У коренных спросить? Может, они в курсе? Может есть какое-то пророчество или проклятье? Может...

– Ты с этой чухонской бабкой говорить будешь? – Ленка, вечно удивляющийся снегу зимой, начальник отдела по уборке улиц, фыркает. С усилием косит глаза, открывает рот как зомби. Кажется, именно так он представляет себе душевнобольных.

– Так, она ж к кровати прикованная лежит. Внучка теперь на постоянной основе вопросы решает, – гогочет кто-то.

– Там же эти, как их, «плотные знакомства», – кивает сам себе Хухулев и Костя уже догадывается, что он скажет дальше, – значит, Соболев у нее и узнает. А пока давайте это... бдительность на сто процентов. Делайте что хотите, но люди должны прекратить давиться чертовыми блинами. Это ясно?

– Да-а, Дмитрий Сергеевич, – как проштрафившиеся второклашки весь цвет администрации города вываливается из кабинета начальника.

– Лерочка, – бабушке приходится откашляться, голос с непривычки скрипит и крошится. Движение, которым она отстраняет ложку, наполненную серой, вязкой овсянкой, такое же рваное.

– Наелась? Убираю? – Лера отставляет тарелку и вручает бабушке непроливайку с чаем.

И в комнате, где каждый винтик, каждый брусочек и клочок ткани говорит о роскоши и самоуважении, непроливайка эта как прыщ на носу, яркая аляповатая, искусственно розовая. Такого цвета в природе не найдешь. Лера бы выбросила ее с удовольствием, предварительно разломав, раздолбав, раскрошив... Но бабушка из обычных кружек пить не может, захлебывается. Вот и приходится терпеть эту до омерзения позитивную непроливайку. У бабушки тремор, дрожащими руками она подносит непроливайку ко рту, отпивает. Прочищает горло и, наконец, выскабливает из своего горла:

– Что-то не так.

– Где болит? Нога? Спина?

В прошлом месяце бабушка неудачно поскользнулась, что несложно на улицах, которые каждую зиму превращаются в каток и сломала шейку бедра. С тех пор Лера будто окончательно застряла в Питере. От осознания своего бессилья выть хочется, но ничего Лера неплохо держится.

– Масленица.

– Масленица болит? – не понимает Лера, пытаясь подсчитать, сколько она в городе. «Два месяца скоро» – хмурится, прикидывая, что неделя, на которую она так рассчитывала – затянулась.

Смешанное со смешком «нет» звучит болезненно. Лера ставит в голове галочку, надо вызвать врача.

– А что тогда?

– Я тут новости смотрела, да егеря приходили, рассказывали, – о-о да, ох уж эти егеря через день паломничество к большухе устраивают.

– И что же егеря приходили, рассказывали, – Лера ловит себя на сюсюканье, как с детьми маленькими сюсюкают, вот так и она только с бабушкой.

– Что в этот раз на Масленицу народа много помирает.

– А в новостях по этому поводу говорят?

– Ну а что они скажут? Расследуют, администрация взяла на карандаш, – и передразнивает ведущую новостей настолько похоже, Лера аж фыркает и поднимается, собирая с приставного столика посуду: – Значит, разберутся.

– Кто разберется? Эти недоучки, для которых древние ритуалы все равно, что байка безумца о том, как он с Наполеоном воевал? Пальцем у виска на нас крутят, – говорит бабушка, – что мы дикие, что нас всех надо как собак чипировать.

– Бульбуль, – качает головой Лера, – тебе нельзя нервничать, мешает выздоровлению.

– Я тебя умоляю Лерочка, держись ты от всех этих официалов подальше, ладно?

– Как видишь, я без труда справляюсь, – смеется.

– О, тебе бы лишь бы шутки шутить.

– А что остается, – жмет плечами Лера и выходит из комнаты нагруженная посудой.

Поставив тарелку у раковины, Лера все-таки проверяет новостные каналы в телеге. Действительно, за последние два дня многие подавились, задохнулись, воспалилось масло, отравились... И все о блинах. Может проклятье какое? Но тогда бы бабушка о нем знала. А она попросила Леру разузнать. Значит, ни у кого из семьи вывести не получится и егерей спра-

шивать бесполезно. Остается только... Ну, Костя. Ноги сами несут в кабинет, к разложенным камешкам и травам. Она знает, если сейчас засядет за очередной эксперимент с даром, то пропадет на весь день. А бабушка и так каждый день спрашивает, когда она доделает новую партию амулетов. И вот, казалось бы, ну нога у нее сломана, не рука, чего бы самой не делать... Лера отмахивается от этой мысли. Знает ведь, чего. Знает, что та ночь очень по большухе ударила. Что сил у нее все меньше. А все равно приходится злость сдерживать, чтобы не вырвалась.

Делать амулеты Лера не любит – их можно собирать, не задумываясь, чисто механически, нет в этом ни магии, ни творчества. Ру-ти-на. Не работа, а болото и вязнешь в нем, вязнешь и не выбраться никак. Спасается сериалами, чем длиннее, тем лучше. Фильмы слишком быстро кончаются. И клепают, клепают, клепают. Желаете удачу в камушке? Без проблем. Защиту в колечке? Да пожалуйста. Чтобы продать труды одного вечера, тоже надо постараться. Имя ее семьи – знак качества, конечно. Адрес – широко известен в узких кругах. Все, что семья делала поколениями: хранила и оберегала, копила знания и обучала. Все это свелось к обычному торгашеству пустышками. Притом не к самому успешному. Тех, кто о семье знает много, но им не нужны безделушки. Реклама и соцсети? Блевать охота каждый раз, когда нужно составить пост или сфотографировать товар.

Серии сменяют одна другую, как амулеты, которые Лера с завидной периодичностью убирает в коробочки.

– Вот чего ты злишься? – задает вслух вопрос, уже зная ответ. Потому что не вызывалась становиться большухой. Не вызывалась носиться со смертями среди лапотников и держать связь с официалами.

«Вы не представляете, что наделали, недоучки. Жаль. Этот город мне нравился», – угроза королевы фей вспоминается Лере, как только она думает, что нужно набрать Костю. Годы прошли, а она так и не поняла было ли ошибкой выбрать друга. Все равно разбежались. Или это просто королева драматизировала?

– Королева фей? А может королева драмы? – Лера устало выдыхает и откладывает последний амулет. К праздникам заказов всегда больше, женщины хотят вручить маленький дар подругам, дочерям и мамам. Ведьма никогда не ударяется в объяснение, что дар – серьезная магия, требующая сноровки не только от создателя, но и от пользователя. Что вещица в руках покупательницы – безделушка, собранная со знанием дела, конечно. Способная защитить от мелких неприятностей на работе или от вывиха ноги, но все еще просто безделушка.

То ли дело дары, ее маленькие эксперименты. С дарами работать одно удовольствие. Они у нее почему-то легко получаются, будто деталька к детальке сами тянутся. Но это после того, как разгадаешь суть, разберешь загадку на камни и металлы, на нужные слова и интонации – такому не учат в академии. Отец говорит: мастера передают подобные знания из поколения в поколение. Говорит таких мастеров на всю Европу с Азией на пальцах одной руки пересчитать. Лера отмахивается, уверенная, что это явно не про нее. Большуха считает, что она занимается чепухой. Мол зачем новые дары выдумывать, когда старые хорошо работают. Бабушка говорит: – не трать время на белиберду. Лучше пустышками-амулетами торговать, чем за эксперименты свои в тюрьму отправиться.

А Лера сама не понимает, с чего решила, что ее дары разлетятся как горячие пирожки, будь она дома, во Франции. Все чем она до этого занималась, оставалось незамеченным. Учеба в колдовской Сорбонне не пошла – бросила. Украшения делала, через полгода перестала, никому кроме нее, эти безделушки были не нужны. Она бы и задумку с дарами оставила, если бы не узнала, что они работают. И еще как. Тогда, когда министерские артефакты собой дают. Подобное не может не обнадеживать. Маленькая искра надежды зарождается, что вот оно, нашла наконец-то дело, которым хочет заниматься.

Которым нельзя заниматься в Питере. Бабушке нужен уход, забота и время. Врачи говорят заживают такие переломы долго, если заживают вообще. Да и потом реабилитация... В луч-

шем случае она здесь еще на год. Лере надо бы сконцентрироваться на единственном доступном и законном деле. Даже если это тупое собирание амулетов для лапотников.

Она изо дня в день пытается прикинуть, как заниматься настоящим, как делать дары, не опасаясь ареста. Может быть, открыть свою лавку? – фантазировать об этом так легко. А что, всего-то и надо: получить разрешение на практику, может быть доучиться. А там и до собственного магазинчика дело дойдет. Лера представляет, как по всей стране знают о ее дарах, знают, чем они лучше фабричных. Представляет, как ее фамилия становится синонимом названия вещи. Но нет, Лера застряла в Питере, где все это делать просто на просто незаконно.

Бабушке не нравятся эти ее фантазии. Бабушка говорит: – на лицензирование? Может, еще в министерство, какое устроишься? Будешь у всех этих неучей на побегушках, как егеря? Внучка большухи? Ну уж это только через мой труп, знаешь ли!

А Лере в принципе все равно, можно и в министерство. Егеря, глядишь, не голодают. Главное, чтоб не думать каждый раз, чем счета оплачивать. Бессилие бесит, но она продолжает день за днём, день за днем. Амулет на любовь. Амулет на удачу. На любовь. На деньги. Бабушке нужны костыли, бабушке нужен обезбол и другие лекарства, бабушке нужна реабилитация...

На краю стола лежит смартфон, поблескивает выключенным экраном. Всего и делов-то, думает Лера, найти в телефонной книжке, жамкнуть по имени, да сказать «алло». Может быть, у него и номер поменялся, может, я и не дозвонюсь. И тогда тем более все проблемы на их совести. Да и сейчас уже рабочий день закончился. Завтра суббота – выходной. А в воскресенье и Масленица все. Само пройдет. Лера убирает телефон в задний карман и идет готовить ужин.

Лера лежит, накрыв лицо подушкой. Нет, задохнуться не пытается, просто...

«Может, все-таки получится уговорить бабушку уехать? Ей на том же юге, ну, в условной Франции легче будет, не так нервно. А если энергия настолько принципиальна, то хотя бы в Финку...» – крик вырывает ее из мыслей, его она слышит даже сквозь перьевую подушку, обычно спасающую от городского шума даже с открытыми окнами. Лера вскакивает с кровати, одеяло летит на пол, спотыкается и летит следом, разбивает коленку и только после того, как ловит равновесие поднимается и наконец-то выбегает из спальни в одной ночнушке. В несколько шагов пробегает длинный коридор.

– Что? Что такое? Где болит? – «запыхалась», как-то отстраненно замечает Лера, разве такое вообще может быть из-за пробежки в десять метров?

– Нигде, Лерочка. В городе плохо. Непорядок там.

– Опять? Сколько можно. Я ж тебе говорила, это не наша забота.

– Непокойно мне.

– Вижу. Парочку капель, м? Корвалол? Валерьянка? Я и себе налью.

– В твоём возрасте еще рано, знаешь ли... – недовольно.

– Да-да, знаю, вот ты в моем возрасте... Это все экология, бульбуль. Новые поколения уже не те. Наверное, потому, что в телефонах постоянно сидим.

– Лерка! Прекращай мне это. Иди, собирайся.

– Куда?

– В парк, там неладное.

– И давно там неладное?

– Только будет еще.

– Ну вот когда случится...

– Лерка! – бабушка стучит пальцем по тумбочке, и Лера понимает, что та от нее не отстанет, пока не получит свое.

И Лера действительно одевается и идет в парк. Не для того, чтобы как Бэтмен всех спасти, если что. Нет. Хочется просто выйти, подышать и не слышать этого упаднического «а

вот раньше» хотя бы полчаса. Ну и всякого для даров можно подсобрать, хоть в парке народа много, праздник – дело шумное, редко кто обращает внимание на странности.

Город будто недовольный пес, фыркает на Леру и отворачивается. Все светофоры гордо демонстрируют ей красных человечков, стоит только подойти к переходу. То, что она поскальзывается и удерживается на ногах, не попав под колеса мимо проезжающих машин, то еще чудо, на которое сама Лера уже не обращает внимания. Зациклившись на мысли, что Питер еще та вредная заноза, когда ему не угодишь.

Она чувствует неладное в воздухе, еще на подходе к парку. Слышит странное в хрусте снега. Облака складываются в страшные предсказания катастроф и войны. Лера хмурится.

– Бабка накрутила, – ей бы закурить сейчас да выдохнуть полной грудью, но Лера упрямо бросает уже которую неделю. Пятьдесят два дня, на самом деле. И восемь часов. И сорок три минуты. Лере стыдно признаться самой себе, что она так точно помнит, сколько прошло времени с приземления самолета в Питере. Настолько же стыдно становится, когда понимает, что каждую неделю стабильно срывается и курит.

В парке действительно много народа. Особенно родителей с детьми, что, вообще-то, не удивительно. Администрация многие годы работает над карнавалом, из всего на что бабушка жизнь положила. «Фу, Лера, что за пафос», – одергивает себя и осматривается. По центру небольшой площадки стоит чучело, но...

– Они совсем охе... – выдыхает Лера.

– Девушка! Не ругайтесь! Здесь дети! – тут же прилетает от чересчур обеспокоенной мамы и Лера закусывает губу, чтобы не послать ту куда подальше. Пробирается через толпу поближе к гигантской игрушке. Зрелище не из приятных: тонкие синие ручонки тянутся к небу, треугольная голова, рассеченная зубастой улыбкой, глупые глаза...

– Мама-мама, это же хаги-ваги! – писклявым голосом кричит девчушка, закутанная с ног до головы в розовое, и тянет родителей поближе к чучелу.

– Точно. Именно так оно и называется, – желание закурить становится только сильнее, когда Лера представляет, как будет рассказывать бабушке о таком подходе к празднику. Но сигарет нет, поэтому остается только тяжело вздохнуть и пойти искать главного. При всем нежелании говорить хоть с кем-нибудь, проще предотвратить это позорище, чем с бабушкой потом разбираться.

– А вы здесь главный? – Лера натянуто улыбается при виде человека с огнеметом. Тот хмуро сплевывает себе под ноги и грязными ногтями чешет сизую щетину на подбородке.

– А кто спрашивает? – хрипит мужик.

– Я, – закатывает глаза Лера. – Вот это вот, – она тыкает пальцем в чучело, – сжигать сегодня нельзя, – как можно категоричнее. На что дворник, а это именно он, совершенно справедливо спрашивает «почему?» только, другими словами. В него требование не ругаться при детях почему-то не летит. «Огнемет решает», – отмечает Лера и продолжает настаивать: – Слушайте ну это не экологично, дети надыхаются...

«Девушка, идите отсюда и не мешайте работать», – говорит дворник немного иначе и развернувшись, под обратный отсчет, запускает в чучело струю огня, не обращая на возмущение Леры никакого внимания. Через секунду и Лере становится не до того, чтобы разбираться в собственных эмоциях. Как только струя огня дотрагивается до хаги-ваги, улыбка расплывается по лицу и изо рта страхолюдины на всю площадь летят отборные ругательства. В следующий момент все дети на площади кричат, плачут. Родители хватают их на руки, пытаясь убежать от чучела как можно дальше. Толкаются, кто-то падает, но чучелу все равно, оно отрывается от основы и шагает в сторону толпы. Шагает и горит. Вот только огонь, зацепившись за одну из рук, не распространяется по «телу».

Дворник бросает огнемет и улелепывает. Полицейские пытаются успокаивать людей, чтобы те не навредили друг другу, но некоторым офицерам все-таки достается локтями в нос,

когда командир приказывает им остановить чучело. Незамедлительно люди в форме достают пистолеты и начинают стрелять, но горящий хаги-ваги, в лучших традициях Годзиллы, просто продолжает переть на пролом через площадь.

– Черт-черт-чертчертчерт, – кусает губы Лера и все-таки решается, достает из рюкзака прозрачный елочный шарик, полный чем-то черным, что как клубок змей вьется. Ей совершенно не хочется палиться перед ментами. Ведь знает, к чему это может привести, но люди сбились в толпу у узкой калитки. Когда хаги-ваги доберется до них... Не факт, что обойдется без ожогов и переломов. Выдыхает и решается. Бежит, поскальзывается, и когда до чучела остается всего пара метров, она кидает в него шарик. Елочная игрушка разбивается. Вьющиеся в ней тени раскидываются в мощную сеть, накрывая чучело во весь рост. Монстр на секунду застывает, теряет равновесия и падает. Слава богам не на толпу.

Только Лера выдыхает с облегчением, как ей в спину летит: руки за голову! На землю! Рюкзак в сторону! Вы арестованы за незаконное использование артефактов.

Лера хочет спросить да с чего офицеры это решили, но, вообще-то, дары действительно незарегистрированные, а как известно из фильмов, в таких ситуациях лучше хранить молчание, чтобы адвокату было проще ее защищать.

– Погодите, у меня есть право на один звонок! – Лера только договаривает, а на ее запястьях застегиваются металлические браслеты, покрытые рунами для блокировки магии. «Кажется, я попала».

Воскресенье начинается не с кофе и не с дымящегося на тарелке омлета. А со звонкого, совершенно нехарактерного, мата Хухулева прямо в ухо.

– Дмитрий Серг... – Костя понимает, что это начальник, только глянув на экран смартфона.

– Я тебе дам «Дмитрий Сергеевич» по самые гланды! Что за бардак в твоём отделе? Почему город на ушах, а ты спишь? Одна дежурная бригада!

– Так обычно этого хватало...

– Замолчи и чтоб я этого больше не слышал. Мало тебе одной проверки? Под суд захотел? Быстро со всем разобраться, чтоб через два часа была тишь да благодать, ясно? Мне плевать как ты это сдела... Света, закройте свой рот и скажите журналистам, что профессионалы уже работают. Соболев, через три часа быть у меня в кабинете с докладом, понял? – и, не дождав-шись ответа, начальник вешает трубку.

Костя, едва продрав глаза, открывает ближайший новостной канал. Поначалу все идет стандартно: холод, снег, масленичные гуляния в каждом районе. Но уже в следующих сообщениях появляются весьма пространственные заголовки. И видео, Костя сразу включает первый попавшийся ролик: вроде бы Московский район, да, памятник Ленину мелькает где-то на заднем плане, пока люди водят хоровод вокруг уже стандартного за последние годы чучела Масленицы. Эдакая бабка на чайник, только огромная, из деревянного каркаса, обмотанного бумагой – чтоб горело быстро и эффектно. И вот когда к этой монструозной, по факту бумажной, бабе специально обученный человек несет факел, гуляющий народ, приоткрыв рот, жаждет шоу (и чтоб оно побыстрее закончилось, а то холодно). Только одно существо на площади не устраивает праздник – само чучело Масленицы. Она, будто проснувшись, потянувшись и оглянувшись, хватается за голову и кричит на всю площадь «Батюшки, люди добрые, что ж такое творится!» И как завизжит «Убива-а-ают!» и как побежит.

– Что бл... – Костя резко садится на кровать, случайно скинув с живота Кота, тот ворчливо усаживается рядом и смотрит на него, мол «ну что опять, болезный?».

Вопреки традиции, Костя его игнорирует и включает уже следующее видео, на котором похожее чучело стоит и дует на факел в попытке затушить огонь, но это не спасает, и все

оставшиеся 10 секунд видеозаписи чучело истошно кричит... Как говорится, как угорелое. Следующий ролик: разбегающиеся зрители, а за ними во весь опор несется чучело и ржет громоподобно. За чучелом несутся работники, которые всеми правдами и неправдами пытаются поджечь. Огонь будто облизывает бумагу, но отказывается ее поглощать.

– Это... Я просто... Ааррхх, – Костя подпрыгивает с кровати, чуть не задавив Кота, хватается ближайšie джинсы, натягивает свитер на голое тело, когда раздается звонок. – Если это опять Хухулев... – Костя сам не знает, какой угрозой продолжил бы. На экране светится лаконичное «Лера».

– Вокруг люди бегают, орут, чучело как курица без головы, а менты меня арестовывают, за незарегистрированные артефакты. Это нормально вообще?

– А они у тебя с собой? – спрашивает Костя.

– Сам как думаешь?

– Ну понятно.

Костя стоит по ту сторону решетки и сосредоточенно смотрит на Леру.

– Так по всему городу. Ни одно чучело полностью и не сгорело. Что пошло не так?

Лера жмет плечами, но вопреки жесту отвечает:

– Да все, Костик. У нас районная администрация придумала сжечь «заморскую» игрушку. Ну как символ борьбы, – и да она делает пальцами кавычки в воздухе.

– С кем?

– С теми, кто ее придумал.

– Это что-то значит? Выбор, хм, материалов для чучела?

– Ты обдолбался?

– Лера, я спрашиваю.

– Раньше чучело люди делали самостоятельно, из своих вещей. Сжигая чучело, они избавлялись от недостатков и проблем, которые сами и сотворили своими руками. Потом чучело начали делать за людей. Вот такие администрации. И проблемы стали чем-то, что с людьми случается будто б само собой, будто бы люди в этом и не виноваты. Но это ладно, Костик. Все это было нацелено на пользу, даже в таком усеченном варианте... – Лера частит, не успевает схватить глоток воздуха, задыхается, садится на скамейку и только успокоившись продолжает:

– По факту, даже в таком виде сжигание чучела было психотерапией. Ну и раньше это было социальным конструктом. Мол я признаю в себе пороки. Я такой же, как и все. А вы что сделали, Костик?

– Да я-то тут причем. Я вообще в первый раз услышал обо всем этом сегодня утром! – Костя не выдерживает, повышает голос. А Лера так устала, что даже в лице не меняется, просто продолжает его отчитывать:

– А вы Масленичное чучело использовали для казни. Да, символической, но все же. Вот как ведьм на костре сжигали, так и вы это чучело решили сжечь. Из ненависти. И вся суть праздника как бы перевернулась на сто восемьдесят градусов. Сказали тем самым «Мы не такие как те, другие. А другие плохие, достойны того, чтобы их сожгли», это плохой посыл. Темный. И я... Я, если честно не представляю, куда это все может привести.

Костя задумчиво кивает и уходит. Лера своим глазам не верит. От такой наглости остается только смеяться, нервно, надрывно, до слез. Если ее не отпустят, надо что-то решить с бабушкой, она с кровати не встает. Наверное, егеря присмотрят парочку дней, но потом точно придется что-то решать.

Сколько там дают за незаконное хранение? Лет пять. А если докажут, что она эти дары еще и делает... На все десять могут запретить. Лера не может сидеть на месте. Она подсказывает

со скамьи и шагает из стороны в сторону. Барабанит по решетке и думает-думает-думает. Даже почти придумывает что-то, но мысль так легко ускользает за очередным скрежетом засова.

– Ну что, давай на выход, – сдержанно кивает Костя и выходит из коридора.

«Дышится так приятно, а всего-то и надо было за решетку попасть», думает Лера. Она потягивается, так, будто сидела в тесном коробе без возможности размяться не парочку часов, а минимум неделю. И только после этого смотрит на закуривающего Костю. Слюна тут же выделяется, хочется так невзначай попросить его одолжить сигарету, прикурить и заполнить легкие дымом.

– Что пробовали? – лишь бы отвлечься.

– Да все, в принципе. Как будто бы нет другого выхода, кроме как вручную отловить.

– Ясно.

– И ты думаешь, что это из-за...

– Все, что знаю, сказала, – жмет плечами Лера. – Всех привлекли?

– Полиция, омон... – Костя вспоминает о своей этой проверке, будь она неладна. Где-то между лопаток жжет, словно туда уже навели прицел. – Вообще всех, Лер.

Этот обреченный тон Лерке ой как не нравится, и она кивает:

– Нам всего лишь надо доказать, что мы здесь ни при чем и стараемся, помогаем.

Косте такой подход кажется наивным, но Леркина уверенность и не такое творила. Остается только довериться.

Краем глаза Костя замечает, как в тупике двора закрывается портал, это значит только одно, Лерка с Михалычем уже готовы с сетью на перевес. Нужно только чучело до них довести.

– Загоняй его, там тупик! – кричит Костя егерям и самые простые искры пускает, пугает чучело, направляя.

Сеть из придуманного Леркой дара действует на чучело безотказно, только соприкасается с напичканной магией фигурой, как та падает и с места уже не двигается, не засыпает, но хоть что-то.

По уже отработанной схеме два егеря тут же открывают портал, хватают чучело и переносят в заповедник. Как только портал схлопывается, у них появляется минутка выдохнуть. «Перекурить», – сладко решает Костя и достает сигарету. Стоит в стороне, чтоб дым не летел в сторону скучковавшихся вокруг Леры егерей.

Это становится видно только со стороны, и Костя вдруг понимает: егеря принимают Леру. Егеря относятся к ней с почтением не меньшим, чем к большухе. Костя видит разницу. С ним они держат язык за зубами, как бы что лишнего не ляпнуть. И исключительно по делу. А с ней посмеиваются чего-то. Это дергает. Как бы он ни старался, что бы не делал, такого же отношения никогда не заслужит.

В кармане вибрирует и Костя тушит окурок о стену, ощерившуюся обломками старой краски.

– Аналитики пишут... Кажется, это было последнее.

– «Кажется» не звучит уверенно, – хмыкает Лера. А егеря, даром, что мужики все взрослые тут же начинают ей поддакивать.

– Ну, другой информации у меня нет. Давайте пока по домам, но на стреме. Если что вызову.

Отпустив егерей, Костя смотрит на часы, что-то подсчитывая.

– Ты не домой? – Лера подходит, и Костя удивляется, как не мерзнет в этих кожаных штанах. Наверняка без магии не обходится.

– Начальство вызывает, – качает головой.

– Взрослые дела, понимаю, ну я пой.. – но Костя перебивает. Этот день тянется бесконечно долго и после всего этого безумия, понимает, ему просто необходимо выпить. – Может, посидим где в баре после?

– Чего б нет. Мне с тобой пойти? – с сомнением тянет Лера и Костя хватается за это предложение, как за спасательный круг.

– Да, пожалуйста.

То, как Лера улыбается ему, как когда-то давно, в Академии. «Будто в прошлой жизни это было», с горечью думает Костя, но не может не улыбнуться подруге в ответ. И достает из кармана пуховика служебный портал, только с ним можно сразу в здании администрации оказаться.

– Держись крепче, – приобнимает Лерку.

– Не учи ученую, – фыркает она и крепко обнимает Костю.

Лера ждет Костю в кабинете. Осматривает явно дорогуший ковер и наступает на него с удовольствием оставляя след грязи, смешанной со снегом. Плюхается на такой же дорогуший диван и наконец-то хоть чуть-чуть выдыхает, мышцы спины постепенно расслабляются и это, кажется, настолько забытое чувство, что она, не сдержавшись, стонет, когда приоткрывается дверь и в кабинет заходит затянута в узкое платье футляр секретарша. Аккуратная словно модель, она заносит чайник и пару чашек на подносе.

Лера следит за каждым движением секретарши, прикидывая причину недовольного выражения лица. А варианты все такие вкусные, колышутся между версией о туго завязанном на затылке пучке волос, и версии о том, что она знает кому приносит чай, чухонскому отродью. В любом случае Лера с усилием давит в себе желание подскочить, сесть, чтоб хоть немного прилично.

– Константин Евгеньевич распорядился, – цедит сквозь зубы, а улыбка натянутая-натянутая. Лере даже нравится.

– А Константин Евгеньевич не сказал, что я чай пью только с конфетами? – звучит по-детски, Лера знает, но не может себе отказать и совершенно точно кайфует, когда замечает оторопь девушки. – Очень жаль. Очень жаль, – тянет Лера и давит смешок. – У вас наверняка много дел.

Секретарша поспешно ретируется и Лере остается только мучительно ждать. Она садится и ложится обратно, потом снова садится, и так наливает чай в фарфоровую с синим ажурным узором чашку. Аромат жасмина разносится по всему кабинету, и Лера с удовольствием отпиивает. Проверяет новости, пишет бабушке, что сегодня будет поздно, прикидывает: ну сколько может продолжаться отчет? Минут двадцать? Но дело серьезное, вроде.

То, что выволочку Косте устроили знатную, становится понятно сразу, как открывается дверь. Нет, еще до этого по обеспокоенному голосу секретарши. Она задает какой-то вопрос, он не отвечает, резко дергает ручку и запирает дверь тут же, пока помощница не сунула нос в кабинет. Что все плохо понятно по сжатым до скрежета зубам, по побелевшим от напряжения костяшкам пальцев, по тому, как Костя пытается вдохнуть глубоко, а выдыхать медленно. Лера знает это его состояние. Знает, что не расскажет, если не спросить. И знает, что будет, если спросить.

– Ну что? Как? – осторожно, будто из-за угла подглядывает.

– Никак, огреб по самые гланды, – Костя не садится, как будто не может, как будто все тело напряжено настолько, что если попытаться согнуть колени и опуститься на диван, то кости скорее треснут.

– Бывает, – Лера честно пытается сказать это как можно более сочувствующе, но Костя все равно взрывается:

– Но не у тебя, правда, Лерочка? Всегда с тобой все носились, за каждый пук хвалили и сюсюкались. И давай честно, сейчас ничего не изменилось. Лерочка такая самоотверженная! Лерочка вернулась из Европы только ради бабушки... Ты думаешь им есть дело, что ты там пустое место в этой своей Франции? Нет, егерям до этого дела нет. А я отвечаю за защиту города, меня уже второй месяц и в хвост, и в гриву за всю эту чертовщину. Но нет, давайте спросим, что Лерочка думает...

Стук в дверь. Нет сомнения, помощница слышала каждое слово, да Костя и не пытается быть тихим. Лера, закусив губу сдерживает злые слезы обиды. Ловить понимающий взгляд секретарши для Леры как-то слишком. Она снова делает над собой усилие и осторожно ставит чашку на стол, не разбив, не швырнув ее в голову старого друга. Подобных усилий слишком много за этот день, но одним больше, одним меньше, уже в целом без разницы. Лера кивает Косте, мол «окей, услышала» и прикрывает глаза в попытке успокоиться.

– Константин Евгеньевич, вам просили передать, что патруль нашел еще одно чучело, – она совершенно жалко, как думает Лера, семенит на каблуках поближе к Косте и дрожащей рукой протягивает ему бумажку, на которой аккуратным почерком выведен адрес. – Просят поторопиться. Оно детей на детской площадке держит и не выпускает.

Лера моментально подсказывает:

– Защитничек, – фыркает и, забрав записку, выходит из кабинета. Плечом о плечо бьется с секретаршей. Костя чертыхнувшись, хватается за куртку и бежит за ней.

Их порталы одновременно открываются рядом с детской площадкой. Портал Кости – четкость линий, простой и функциональный. «Казенный», – мелькает мысль, и Лера прикидывает, что она со своим собранным собственноручно из питерских грозových туч и молний действительно может сойти за чухонскую дикарку. И понимает – вообще-то, ей нравится. Нравится, как эффектно выглядит портал, как он мягко с тихим удаляющимся громом схлопывается и остается на притоптанном снегу аккуратным рисунком с тучкой и молнией. Лере нравится, как тяжело Косте закрыть рот, открытый в удивлении.

– Ты ж наверняка уже не помнишь, как и что делать? – она убирает значок в сумку.

– Если массовое производство выдает такое же качество, то навык становится бесполезным. Зачем тратить время? – они делают вид, что ничего не произошло. Оба. Осознанно. Как настоящие взрослые.

– Что будете делать с чучелами? – как ни в чем не бывало интересуется Лера.

– Пока не знаю. Они не горят, так что...

Лера внимательно смотрит на огромную, трехметровую фигуру бабки, похожей накрывали заварочный чайник в детстве. Только эта в несколько раз больше и пытается дотянуться до парочки ребят, забившихся в угол домика, пока к ней со спины подбираются егеря, вооруженные веревками.

– Надо решать и побыстрее, – Лера хмурится, когда слышит грудной стон чучела. Веревка, брошенная егерями, затягивается петлей на горле бумажной бабы. Вторая летит следом и делает то же самое. Не договорившись, они тянут в разные стороны и тут же матерятся.

Костя тяжело вздыхает и больше не в силах смотреть на эту картину, поворачивается боком к площадке и закуривает. На Леру не смотрит. «Все-таки чувствует вину за то, что наорал?» Раньше, в Академии с их ссорами явно было проще. Затянувшись, Костя выдыхает дым.

– Их пока вывозят за город, – он слегка морщится, когда снова слышит совершенно душе-раздирающий крик. Чучелу не больно, по крайней мере не должно быть, – чего же оно так кричит, – не выдерживает и выдает себя.

– Заповедник «Ваша кошмарная Масленица» ждет всех желающих обосраться от страха... – качает головой Лера. Чем больше времени проходит, тем меньше она понимает. Остается только иронизировать, шутить и раскидывать сарказм во все стороны.

– Прекращай, – мучительно выдыхает Костя.

– Если б знала как.

Костя собственноручно запирает последнее чучело в загон к другим таким же. Те как сумасшедшие в клинике, понимает Лера, ходят, бьются головой в решетку не в силах ни уговориться, ни упокоиться.

Вокруг шум и гвалт. Магической живности, обитающей в заповеднике, такое соседство явно не нравится. Жар-птицы орут как резанные, Сирин и Гамаюн угрожают улететь, если нечисть не уберут как можно дальше и только Конек-горбунок молчит. Молчит и забившись в дальний угол испуганно смотрит в сторону таких соседей.

– Э, ты! Ты ж большухина внучка! Может, как-то порешаешь? – Гамаюн, несмотря на по-настоящему красивое лицо, ведет себя скорее, как быдло-голубь. Лере не нравится, и она игнорирует норовистую дамочку, молча открывая портал. Через штормовой ветер и раскаты грома она слышит несущееся ей вслед какое-то странное даже для Гамаюн пророчество. Мотнув головой, чтобы выкинуть из головы противные слова скрипучим голосом она скидывает верхнюю одежду и одним щелчком пальцев нагревает воду для чая, пока Костя выходит из портала.

«Ты уже встретила смерть, только не знаешь. Ну ничо, ничо, скоро все узнают», – выкинуть пророчество Гамаюн из головы не получается. Что значит уже встретила смерть? Тогда? У Сфинксов? Ну да. Но я о ней не знаю? Это про...

– Тебе с ромашкой? – Лера задает вопрос не поворачиваясь, просто чтобы не додумать эту страшную мысль.

– С ромом, – Костя тяжело опускается на стул, спинкой приставленный к стене, в эту стену он затылком и упирается. И часто-часто так бьется. Тук. Тук. Тук.

Лера кивает и просто наливает ром по низким стаканам. Выпивают молча, до дна, одним глотком.

– А теперь, я пойду и расскажу все большухе, – криво улыбается Лера. – Это быстро, налей пока. Она кивает ему и уходит.

Костя честно не собирается подслушивать. Он как можно медленней берет бутылку и открывает ее, потом наливает на два пальца алкоголя, пахнувшего корицей и гвоздикой. Потом снова медленно ставит бутылку на стол. Но на это уходит слишком мало времени. По крайней мере, мало по меркам Леркиного «быстро».

На самом деле Костя долго не думает. Шаг, другой, и он уже в коридоре. Еще столько же можно пройти и остаться незамеченным, даже если Лера как она это умеет, внезапно выйдет от бабушки.

«Надо проверить, что они здесь ни при чем», – Костя уговаривает даже не себя, а копошащуюся за правой ключицей паранойю. «Потому что, если это они», – голос поразительно похожий на бабушкин, – «ты поручился за нее перед гэбэшниками, Костик, в лагеря и за меньшее отправляли».

Он не хочет спорить с давно умершей бабушкой, тем более выдуманной его тревожным мозгом. Нет, ему просто надо знать, что Лера не устраивает... Он не хочет даже мысленно произносить слово «теракт», поэтому настойчиво исправляет себя – «бардак».

– Столько людей в давке пострадало! Какого лешего ты свою большуху не слушаешься, девка? – от мощи в ее голосе у Кости волоски на руках дыбом встают. Хочется убежать и спрятаться, либо опуститься на колени и принять любое наказание. – Уж если я тебе сказала связаться с официалами, значит, наверное, все серьезно? Я не слышу!

Лера молчит.

– Могла бы ходить – выгнала бы обратно к родителям. Иди отсюда, разочарование.

Костя торопливо возвращается на кухню. Получается. Что Лера действительно понимает, каково ему сегодня было? А он наорал за просто так?

– Ну, как я и сказала, это было быстро, – Лера улыбается так по-настоящему, что это пугает. «Сколько еще я себе про Семью придумал?» – поражается Костя и наблюдает, наблюдает. Ждет, пока эта маска на Лере как корочка молодого льда треснет, со смачным хрустом, а за ней вода. Но Лера и бровью не ведет, поднимает стакан, выпивает залпом.

– Что ж, поздравляю тебя. Никто не знает, с чем тебе придется разбираться, – и ставит со стуком стакан на стол.

– Нам?

– Не втягивай меня в это, хватило разборок с тайной полицией.

– Они поверили?

– Что я здесь ни при чем? – Костя кивает. – Не знаю, это ты мне Расскажи.

Костя жмет плечами и цедит ром мелкими глотками. У Леры всегда с интуицией было все в порядке, неужели и сейчас что-то почувствовала? Столько вопросов, понимает Костя и нет ни одного ответа. Но он точно может сделать хотя бы это. Решившись, он выдыхает:

– Прости, что наорал. Я на самом деле так не думаю. Ну... Что с тобой носились и сюсюкали.

Лера примирительно улыбается и кивает: – забыли.

Глава 3

Леру вырывает из сна грубо, с корнем, так резко, что она даже не понимает, почему проснулась. То ли на улице громко проехала машина, то ли что-то упало у соседей наверху, а с их паркетными полами звук разлетается сразу насквозь по всем этажам.

Стук в дверь бескомпромиссный, будто заявляет: дверь остается на месте только чудом, замок уже просит пощады. Лера хмурится: «зачем стучать, если есть звонок?», поскорее встает. Атласный халат холодит голую кожу, отчего ее передергивает. «А может быть, от предчувствия», – уже потом думает она, когда открывает дверь, а человек в костюме тычет в лицо бумагой с печатью и какой-то корочкой с фотографией.

– Юрова Валерия Дмитриевна, правильно понимаю? Шахов. Подполковник Третьего Отдела.

Лера мысленно чертыхается, вот что толку иметь обостренную интуицию, если все равно тебя из раза в раз застанут врасплох.

– И вы здесь чтобы? – голос дрожит, и Лера надеется, что этого неслышно.

– Обыск, вот разрешение. А бабушка ваша...

– Она не может встать. Перелом шейки бедра. Не трогайте ее, пожалуйста, я... я покажу справки, рентген, выписки. Все, что надо.

– Надо, надо...

Высокий, узкий, толком не приложив усилий, он сдвигает Леру в сторону с прохода, пока та изучает испечатанную бумажку. В дверном проеме тут же появляются не мужчины, а шкафы. Прямоугольные, будто та книжная стенка, что стоит в кабинете. Упрятанные в бронежилеты, щитки и шлемы они расползаются по квартире словно клопы. Кто на кухне шурует по полкам, кто идет к ней в спальню, ну а кто-то сразу в кабинет.

В бумажках Лере бросается слово «изъятие».

– А в чем... – слова собираются в осмысленные вопросы так сложно. Все норовят сбиться в узлы и колтуны. – Что случилось?

– А вы что? Не хотите вызвать адвоката?

– А меня в чем-то обвиняют?

– На самом деле очень даже. Что вы с Юровой Анной Васильевной, 1925 года рождения, находясь в сговоре, обучаете детей без разрешения на работу и лицензий. Практики, говорят, тоже нелегальные. Создаете самодельные магические артефакты, которые потом применяете на людях в различных экстренных ситуациях.

Из кабинета выглядывает один из клопов и подзывает подполковника. Лера идет следом, только на полпути спохватившись, а можно ли. В руках у клопа коробочка с амулетами «на удачу». Те безделушки, что ведьмы через знакомых продают в интернете.

– В этой магии нет, – качает головой Лера, – можете проверить.

– О, не сомневайтесь, обязательно. – Кивает Шахов Лере и тут же отдает приказ описать содержимое. – Отправь на экспертизу.

Ведьме остается только зубами скрежетать. Это целый день работы креветочкой в кресле. А она и так отстаёт от графика из-за своих экспериментов с дарами. Злитесь и злость в голос выпускает.

– О, удачи, их там штук пятьдесят и все нет-нет, а разные. Описывайте повнимательнее, а то вдруг настоящую магию пропустите.

Клоп словно мстит ей и тыкает пальцем-колбаской в ящик: – А здесь что?

– Кристаллы, камешки, бусины. В этом тоже нет магии, – устало выдыхает Лера.

– И это тоже на экспертизу, – кивает подполковник и вмиг Лера понимает: они мстят. Мстят за то, что никак не могут ее подловить. Собрались ее обчистить. Всем давно известно,

что если из квартиры ведьмы что-то взяли для экспертизы, то все, с вещами можно попрощаться. А ей не хочется, чтобы полквартиры сейчас под опись вынесли, поэтому прикусывает язык и замолкает. Только на прямые вопросы отвечает.

– Лерочка! – треснутый бабушкин голос пугает даже подполковника. Представил, наверное, те заголовки, что могут появиться во всех пабликах, если кто-то из его подчиненных насмерть испугает старушку.

– Пойдите, успокойте Анну Васильевну, Валерия. И документы ее больничные заодно принесите.

Она семенит по коридору, запахивая халат под горлом, чтоб ни кусочка обнаженной кожи не было видно. У двери в бабушкину комнату стоит покрасневший как светофор клоп и мнется, не зная, куда себя деть. Задание явно заключалось в обыске комнаты большухи.

– Нашли утку с сюрпризом? Или смутили голые колени старушки? – ее настолько трясет, что она сама не замечает, как ехидничает. Лера залетает в комнату и тут же подсаживается к бабушке на кровать. Та лежит неподвижно, словно статуя и ровно дышит, можно сказать величественно. Разве что слеза, стекающая из уголка глаза, выдает ее с потрохами. Испугалась. Испугалась, что в каком-то веке не может за себя постоять. Врачи над этим неделю голову ломают, куда магия большухи делась, ту будто выкачали разом и бабушка едва восстанавливается, очень медленно, по капле.

Лера ложится на нее, обнимает, но вес на локтях держит, чтобы не придавить.

– У них ничего нет, вот и бесятся. Мастерскую вынесут и уйдут. Корвалол, капле тридцать накапай, – кивает бабушка. – Ты только им не перечь, пусть, что хотят, забирают. Главное, чтоб у тебя проблем не было.

– Так точно, бульбуль, – Лера улыбается ободряюще через силу, а сама трясущимися руками сначала капли в маленький стаканчик набирает, потом воду из кувшина. И едва ли успокаивается, когда перебирает папку с документами, чтобы только самое необходимое показать. Папка на весу тяжелая, чуть не падает. У Леры уже перед глазами картинка, как все бумажки по полу разлетаются и она плюет, решает отнести Шахову всю папку, пусть почитает.

Со стопкой справок, рентгенов и анализов подмышкой ведьма выходит из спальни, порог которой все также обивает тот краснющий от смущения клоп.

– Ну что сильный здоровяк напугал старушку? Гордишься? Доволен? – Лера знает, что ей бы помолчать, как бабушка сказала, ведь она ни черта несмелая.

– У меня приказ, обыскать комнату чухонской ведьмы. Главной ведьмы чухонцев, – зачем-то уточняет.

– И что ты собираешься найти в комнате старой женщины? Схему как собрать бомбу? План захвата заложников? – ее несет и она распахивает дверцы шкафа, петли скрипят от натуги. На вешалках едва колыхаются ритуальные одежды, вышитые, с геометрическими узорами, да несколько костюмов на особый случай, которых, справедливости ради, уже давно не происходило.

– Валерия Дмитриевна, прекратите истерику. Пока я вас за нападение на представителя власти не арестовал.

– За какое такое нападение? Я до вас даже не дотронулась.

– Психологическое.

Она не сдерживает смехок.

– Лерка! – строго окрикает бабушка. – Покажи молодому человеку все ритуальное. Мы ничего не скрываем.

Бабушка права сейчас они не в том положении, чтоб характер показывать. Но и терпеть такое отношение к себе невозможно. Где это видано, чтобы просто так с обыском... злитесь Лера, показывая бубен, колотушку, перья всякие.

Клоп остается равнодушным к вещам пропахшим дымом костров, так давно, что сколько ни стирай, сколько ни вымораживай, из этого дыма ткань отчасти состоит, на нем и держится. Лера, сколько себя помнит, ни разу бабушка новые не шила, да и эти толком не подшивала. Настолько крепкие.

– Здесь закончили, – кивает клоп и выходит из комнаты.

– Скоро это закончится, – кидает Лера бабушке в надежде успокоить, но сама как будто в это не верит и торопиться с документами в кабинет.

«Скоро это все закончится», – думает большуха, и она, в отличие от внучки, многим пожертвовала ради этой уверенности. «Не обмани, пожалуйста», – мелькает мысль в засыпающем после стресса мозге. Она даже не знает, кому адресовать свою молитву. Поэтому просьба остается без имени.

– Знаешь, а я ведь раньше думал, что у нее дома рай. – глянув на Кота, Костя уточняет: – У Леры...

Сам Соболев может неделями не звонить родителям или многочисленным дядям и тетям. Кажется, будто единственный с кем он привык разговаривать чуть ли не каждый день – это Кот. Тот поднимает свою, без преувеличения, массивную морду от миски с ошметками фарша и смотрит рыжими глазами так пронзительно, будто дает понять: «я тебя слушаю» и возвращается к еде.

– Думал, как же ей повезло, никаких стремных открытий о себе. Всегда знать, что ты ведьма, с детства осваивать потихонечку, знания, которые мне потом пришлось нагонять за пару месяцев, чтобы не отстать в Академии. А потом...

Вилкой гоняя по тарелке кусок жареной картофелины, Костя так и не доносит его до рта.

Костик рассеян. Он выходит из общежития забыв почистить зубы и понимает это только у двери в аудиторию, приходится справляться заклинанием и это дергает нервы весь день. Он рассеян в понедельник, вторник и среду. К четвергу он точно знает, что дело в Лере, точнее, в ее отсутствии. Он заваливает лабораторную, так и не получив гирлянду, работающую без электричества и без батареек. Он пропускает пару по магическим тварям, потому что засиживается в библиотеке.

Последние сообщения от Леры были странными. Не потому, что она писала сбивчиво, мимо букв и иногда о смысле слов приходилось догадываться по контексту. Нет, такое с ней случалось частенько. Станным было то, как мало она рассказала. Мол инициация, буду в лесу, как выйду, напишу. И вот уже неделя, как от подруги нет новостей, да даже смайлик подошёл бы или те дурацкие стикеры, которыми она может по-настоящему общаться, порой целыми сутками не притрагиваясь к буквам.

Костя закапывается в монографии по инициациям и уже через сутки готов писать по ним если не курсовую, то доклад как минимум. Практически во всех культурах ритуалы инициации проводили в связи с новым этапом взросления. У девушек – первая менструация и ритуал, связанный с изоляцией. Во время которой девицу в первую очередь держат подальше от матери. А старшие женщины племени посвящают в сакральные знания. Кажется, это объясняет, почему Лера не пишет и примерно обрисовывает, что с ней может происходить. Когда Костя понимает это, становится чуть спокойнее. Змеиный клубок за солнечным сплетением засыпает будто бы готовясь к зимней спячке.

«Да, Лерка наверняка вернется с новыми историями и снова будет дразниться, что знает больше меня», – кивает самому себе Костя, пообещав в выходные зайти к подруге, вдруг та вернется.

– И она вернулась, но другой, – Костя встает из-за стола так и недоев. Выкидывает остатки картошки на сковороду и ставит тарелку в раковину. – Какой-то... Тенью себя. Руки – будто с пираньями без магии сражалась и проиграла. Вернулась какой-то лишенной покоя, в смысле она никогда не была тихой, но тогда... На месте усидеть не могла, все дергалась, елозила, будто ей под одеждой что-то мешало. И потом...

Костик не выдерживает и после очередной пары буквально зажимает Леру в угол аудитории.

– Если у тебя обет молчания какой кивни, – хмуро требует, ультимативно.

– Нет никакого обета, Соболь. А вот от обеда я бы не отказалась, – даже полуулыбка, которой изгибаются губы только призрак той Лерки, что Костя знает и от голоса тихого, исчезающего снова слегка подташнивает. Особенно, когда она, сидя в самом тихом углу кафетерия, все-таки начинает рассказывать.

Лерка так ждет эту поездку. Казалось бы, конец октября: дожди такие, что кругом все либо грязь, либо болото, но семейные поездки на Чудское всегда особенные. Даже если приходится из-за круглосуточных ливней дома сидеть. В доме печка дровами трескает и уже уютно, даже если главная комната не прогрелась. В центре стол круглый стоит, за ним никогда много народа не помещалось, поэтому они едят, как бабушка говорит «партиями», сначала дети, потом уже взрослые. Дом такой старый, что за стенкой слышно, как в соломе мыши шуршат. И подпол уже много-много лет не открывали. Настолько давно, что дети шушукуются: там точно кого-то похоронили. Кого-то кто плохо ел и хулиганил. Лера слушает их и думает, что они большуху явно с кем-то перепутали. От страшных историй их отвлекают старыми игрушками, которые достали с чердака. Деревянные, пугающие ничуть не меньше, чем те истории, которые они только что друг другу рассказывали. Она себя такой взрослой чувствует рядом с маленькими племянниками, что не в силах усидеть подрывается на чердак. Коридор узкий, темный, холодильник в нем тихонечко дребезжит, а сразу за ним и лестница, все равно что стремянка. На чердаке одновременно пахнет влажностью, медом и чесноком, аж нос чешется, а Лера не сдерживается и чешет.

– Мама, нет, — слышит она отцовский голос, строгий как никогда.

– А ты мне поспорь еще. Тебя спрашивал кто? – слова бабушки резкие, обидные. Лера хмурится и как можно тише пытается пройти к закрытой двери, чтобы лучше слышать, что творится за ней, в небольшой комнатке, обустроенной бабушкой под кабинет. — Ты говоришь про мою дочь! – если Лера до этого просто прислушивалась, то теперь боится выдохнуть только, чтобы не пропустить ни слова.

– Мы говорим про будущую большуху и без инициации не обойтись, ты знаешь. Или сейчас, или никогда. Я следующую внучку уже могу не дожидаться.

– Ты говоришь это последние десять лет, — фыркает отец.

– И следующие десять тоже скажу. И ничего. Потерпишь.

– Она еще ребенок.

– Лера, зайди, пожалуйста. – Замереть, не в силах пошевелиться, единственная реакция. Чем себя выдала? Как так? – Лера, я прошу только один раз.

Выдохнуть для храбрости, в фильмах такое видела и нажать на тугую ручку. Холодный свет в комнате со светло-голубыми стенами ослепляет, заставляет зажмуриться.

– Завтра начнется твоя инициация, — голос бабушки, тот самый, из-за которого приказы выполняются бесприкословно.

– Эм, — ничего умнее Лера придумать не может.

Бабушка смотрит прямо на нее, в отличие от отца, который отводит взгляд. Лера знает эту позу, эти напряженные плечи. Он сдерживается, хотя очень злится. А сдерживается, потому что поделаться ничего не может. Против слова большухи не попрешь. И бабушка хочет, чтобы я...могла так же? Ну, не сразу. Когда-то. Когда придет время.

– Мне нужно будет что-то сделать?

– Тебе надо будет что-то сделать.

Лерку аж передергивает от этого тона. Холодного, строгого, совершенно не похожего на ее бульбуль. — Скажу завтра, когда будем на месте. Сегодня с семьей пообщайся, завтра некогда будет.

Отец резко выдыхает и вырывается из комнаты словно из клетки. Доски стонут под его шагами, недовольные, что с ними так грубо.

– Но, буль...

Строгий взгляд блеклых от возраста глаз обрывает ласковое обращение.

– Резиновые сапоги надень, в лес пойдем. Все, иди.

Лера будто не может не послушаться, разворачивается и на автопилоте даже подходит к двери, пока мысль не мелькает и не делает ее свободнее:

– А это надолго? В Академии важная лабораторная в понедельник.

– За три дня еще никто не справлялся.

Обескураженная Лерка выходит из кабинета и осторожно закрывает дверь. Незнание пробирается под кожу муравьями, что бегут строем. Только обычно они бегут за едой, а здесь без цели бродят туда-сюда, только нервируют. Хочется почесать то тут, то там. Но Лера знает, если начнет – не остановится. Поэтому сжимает кулаки и начинает осторожно спускаться, так чтоб шею не сломать.

Путь от проселочной дороги до пропажи и без того едва заметной тропки занимает два часа. Два часа накапливающейся тяжести в руках и ногах. Два часа бегающих по спине муравьишек тревоги.

Сначала они идут по обыкновенной проселочной дороге. Не асфальтовой, просто утрамбованный песок, который всю размывает дождем, поэтому лужи напоминают маленькие озера, а по обе стороны кустарники, да низенькие молодые березки. В шесть утра и намек на рассвет нет, и холодно, но Лера изо всех сил отгоняет надежду и уговаривает себя, что теплее вряд ли будет. Разве, что, когда они доберутся до «места».

Восходом даже и не пахнет, поэтому несмотря на окаменевшие мышцы ей приходится идти с вытянутой рукой. В пальцах зажат светящийся дар. Лера говорит бабушке, что фонарик в руке удобнее держать, но та только грозит пальцем, а потом и мобильный забирает, отчего тревожные муравьи под ее кожей устраивают конкурс чечетки.

Все, что прямо сейчас хочет Лера — только лечь и поесть. Ну и снять натирающие резиновые сапоги не по размеру. Сейчас из-за усталости они кажутся неподъ-

емными. Влажный мох под ногами пружинит и в любой момент может подло подставить, приходится усиленно держать равновесие, что тоже утомило изрядно.

Нет-нет да возникает мысль, а точно ли мне это нужно. Но Лера приподнимает луч света, тот упирается в негниблемую бабушкину спину, и упрямство берет верх. Раз уж бабушка в свои семьдесят может взять такой темп и не ныть, то и Лерка сможет. А как иначе.

Последние минут двадцать Лера держится на силе фантазии. Фантазии о том, каким будет лицо Кости, когда она вернется в Академию после инициации. Инициации, которая делает ее наследницей. Наследницей всего того, что Костю так интересует. Они узнают все, что скрывают за тяжелыми кожаными обложками рукописей. Костя узнает, Лера лучше изучит содержимое сундуков с артефактами. Там наверняка есть что-то очень старое и взрывоопасное. Иначе зачем над ними так трястись.

За этими мыслями Лера не замечает, как небо над ней потихонечку начинает сереть, что только добавляет зловещей атмосферы окружающему их лесу. Сосны высокие, как только порыв ветра появляется их стволы, опасно гнутся, звук напоминает треск чуть влажных дров в печке. Лера могла бы успокоиться только от этого напоминания о доме, но бабушка останавливается, убирая светящийся дар в карман.

– Мы на месте.

Лера открывает рот спросить, а что за место, но уже через секунду закрывает. Хижина, к которой ее привела бабушка – почти ушла под землю. Мох, покрывающий все вокруг, скрыл и крышу, так что та похожа, скорее на холм. «На курган», — с трудом припоминает Лерка странное слово. Им на экскурсии в Старую Ладугу рассказывали, сама экскурсия Лере не очень понравилась, там скорее Костя был в восторге, все маме фотографировал старые стены, восстановленные лестницы и даже кузницу.

А про это Лера запомнила. Запомнила, что под такими курганами лежат уважаемые вожди и воины, вместе со своими сокровищами, одеждами, оружием. В горле сухо, и она пытается сглотнуть, но не получается, все равно что листья наждачки друг об друга тереть и ждать, когда же они будут скользить словно шелк.

Без лишних слов бабушка кивает, мол следуй за мной. Только приблизившись, Лера замечает небольшую дверь, в которую можно разве что вползти на четвереньках. Дверь, отчасти покрытую мохом, приходится чуть ли не выкапывать из земли, чтобы получилось открыть. Внутри вопреки ожиданиям сухо, но на этом, пожалуй, все. Беглый взгляд не замечает ни печки, ни электричества. А судя по всему, ей придется провести здесь некоторое время. Зависит от задания, понимает Лера и это пугает до замирающего в панике сердца, до комка в горле, который мешает дышать.

Вне зависимости от того, что сейчас скажет бабушка, она не будет готова. Остается только надеяться, что она сообразит, как поступить. «Что бы там ни было — я справлюсь» — решает Лера, ведь бабушка каждому, кто готов слушать говорит: Лера особенная, талантливая, такой большухи у чухонцев еще не было. Бабушка ее любит, не желает зла.

Оттого, наверное, сказанное в следующую секунду выбивает и без того ненадежную почву из-под ног:

– Раздевайся.

Негнушимися от напряжения и холода пальцами Лера снимает последнее — тканевый браслет дружбы с дурацким бубенчиком, пластмассовой дугой радуги и магнитом, что они купили когда-то с Костей, и стоит, дрожит от ледяных капель, про-

резающих кожу и мышцы до костей. Трясется, но не прикрывается. Только глазами сверкает недобро на каждое бабушкино движение. Та времени зря не теряет, притащив из хижины дрова, разжигает их коротким заклинанием. Тренога для котла устанавливается по мановению пальца.

– Волосы в косу собери, — бросает вскользь, даже не смотрит на Леру толком.

Той хочется послать бабушку куда подальше, схватить одежду и вернуться домой, в Питер, в Академию, к Косте и плевать, что лабораторная, к которой она не готова, они справятся. Но Лера остается стоять. Кое-как, оставляя петухи, заплетает косу и фиксирует ее еще не успевшим промокнуть браслетом дружбы.

Когда она подходит к котлу вода уже кипятит, в который летят травки, корешки, да еще что-то сушеное. Так, сразу не определить, вот если бы понюхать.

Голос бабушки, повторяющий слова на языке предков, вибрирует и воздух вокруг них поддается, принимает эту вибрацию, щекочет кожу. Лера ежится и все-таки обнимает себя за плечи, чтобы хоть как-то успокоить чертовых муравьев. Вокруг будто бы становится темнее, хотя это невозможно. Солнце вставало, когда они шли сюда. Лере это все ой как не нравится, но язык к небу прилип, она даже прохрипеть не может простое «прекрати» или «остановись». А хочется, ведь все, что сейчас происходит не похоже на те добрые, светлые, теплые ритуалы, к которым Лера привыкла с детства. Аж подташнивает, как при отравлении.

– На, выпей, — бабушка подносит к ее губам черпак с чем-то коричневым, с чем-то пышущим жаром настолько, что Лере кажется, если она прикоснется к этому – расплавится. – Ну же, дуреха!

И пихает черпак все ближе, он, минуя губы, в зубы толкается, так что кипятит льется по подбородку. Но к удивлению Леры, не обжигает. И тогда она сдается, пьет мерзкое, почему-то склизко-сладковатое. Но и этого бабушке мало, она зачерпывает еще и еще, пока в котелке не остается варева, а Лера без сил не опускается прямо там, где стояла. Голой задницей опускается на мокрый, холодный мох.

Ей бы спросить, что дальше. Ей бы узнать, что сделать, чтобы большуха отпустила к маме. Но напярчь связки даже для слабенького стога – лениво. Лениво даже сидеть, вдруг понимает Лера и ложится вроде бы осторожно, а как будто падает. И летит, и лежит одновременно. И в огне, и в снегу, и в воде, такой теплой никогда в Финском заливе, не бывает.

Ветки деревьев над ней превращаются в корни, уползающие в небо. Складывающиеся в лица одновременно старые и молодые. Они грозно смотрят на нее. Они смеются и шевелят губами, но Лера слышит только шум волн. И как только понимает, что это плеск прибоя, она видит его, звуковой волной, пробивающей серые небеса навывлет. Небо обрывками на ветру бьется, словно флаги, а из пробоины выглядывает что-то темное. Без лица, без глаз, без рта. Но смотрит. Этот взгляд врывается в Леру грубо, раздирая на части. Она кричит, но ни звука не срывается с губ, которые остаются закрытыми.

Она бы заплакала от боли, но ничего не чувствует, хотя понимает, что должна. Вот ведь ее рука лежит в паре метров от тела, как часть какой-то куклы Барби. Ей даже не надо поворачивать голову, чтобы знать – нога валяется еще дальше. Не приходится смотреть, потому что кожа на щиколотке передает сигналы в мозг о том, как цепкие пальцы обхватывают щиколотку и бабушка тащит к котлу ногу и швыряет ее в кипятит. А в котле плоть пульсирует, увеличиваясь и уменьшаясь в размерах. Следом летит рука и еще одна нога. Лера не хочет на это смотреть. Ее глаза закрыты, понимает, и тут же видит прекрасное лицо женщины, складывающееся из белых и красных пятен у нее под веками.

– Теперь ты видела нас, — голос звучит прямо в висках, губы лица не шевелятся.

Лера хочет обратиться к богине, знает ее имя, хочет попросить освобождения, но все имена из головы повылетали. Зато заревом полыхает знание, что без имени просить или требовать у богов ничего нельзя.

– Не бойся. Твое время быть здесь не пришло. Столько всего еще предстоит сделать, — голос обещает сладкое. Обещает свободу от жара и холода, от назойливо лезущих в глаза и уши пауков и червяков. И муравьи, муравьи, что Лера обычно только чувствовала, вылезают, прогрызая кожу, оставляя миллионы ранок по всему телу.

Но она их не видит, видит только покрасневшее от натуги бабушкино лицо. Та пыхтит и тащит ее куда-то. В котел, понимает Лера. Как-то отрешенно, равнодушно замечая, что нос бабушки сейчас выглядит крючковатым, щеки впалыми, а глаза – в них будто бы нет белков.

Только внутри котла Лера наконец-то засыпает.

Она приходит в себя на середине движения, будто бы задумалась и пролистала несколько страниц в книге, не уловив сути. Будто бы просто взглядом строчки погладила и отпустила. Вокруг тихо и стены, освещенные очень слабо всего несколькими свечами. Над одной она сидит, склонившись в три погибели, настолько давно, что шея и спина онемели. Шевелиться больно, но она продолжает. Берет из самого обычного, чуть ржавого по краям таза, едва барахтающуюся рыбину. Одной рукой держит крепко, возможно, даже слишком. Другой — точным продольным движением от хвоста к голове снимает с прохладного тельца чешую. Откуда-то знает, надо успеть до того, как рыбина умрет. Но и торопиться нельзя – серебряные чешуйки и так разлетаются по всей землянке, а ей потом ползай, собирай, не дай боги хоть одну упустить.

Как только рыбина перестает трепыхаться, даже если девка не успела снять всю чешую, рыбу нужно выкинуть на улицу, чтобы воронье склевало все без остатка. А она не приступает к следующей, нет. Все чешуйки в мешочек собирает и, вооружившись иглой с заговоренной нитью, нанизывает каждую и узелком закрепляет. Осторожно проткнуть, по нитке до конца протянуть, узелком закрепить. Взять новую, проткнуть, протянуть, закрепить. Новую взять...

Она не должна есть, пока из рядов чешуек не получится сделать рубаху. Она пьет, только когда дождевая вода набирается в кружку, а спит, только когда невозможно держать веки открытыми, а тело вертикально. И продравши глаза снова приступает к своему незамысловатому действию.

Руки у девки изранены острыми краями чешуи, исколоты предательски соскакивающим кончиком иглы, порезаны ножом. Слезы боли и бессилия текут по бледным щекам, но она продолжает, сама не знает сколько дней.

Знает, что должна закончить, чтобы уйти от сюда. Чтобы вернуться. Но куда? К кому?

В кафетерии полным-полно студентов, даже преподавателей, а от Леркиного рассказа все они будто тише становятся. Общаться продолжают, смеяться, даже ругаться, но будто бы на телевизоре звук подкрутили до едва слышного минимума.

Само время будто замирает и Костя забывает, что у них еще зелья после перерыва, который закончился час назад, а значит, на пару уже можно не торопиться, все равно нагоняй будет.

Леркины беспокойные пальцы, мнут, рвут и ломают, так что к концу рассказа на столешнице возвышается неплохая такая горка из обломков зубочисток и обрывков салфеток. Костя накрывает ее пальцы своими, чтобы уgomонить, но этого недостаточно. Он решается заговорить. Так проще не обращать внимания на время-тянучку и звуки вокруг сквозь вату. Так проще игнорировать мысли, что штрафом за прогул пары, скорее всего, будет какая-нибудь зубодробительная тема для эссе на теоретической части экзамена. Говорит, чтобы уровнять эти весы откровенности, которые со стороны подруги вот-вот кафельную плитку зала пробьют.

– Не представляю, как ты решилась на это.

– У вас в университетском городке таким не занимаются да? – криво усмехнувшись, подруга вилок подцепляет последний кусочек огурца из тарелки, в рот не тянет, просто играет, гоняя его словно хоккеист шайбу.

– Там-то, конечно, нет, но... – Костя запнулся, допил черный, явно перезаваренный чай и поморщившись, то ли от горечи, оставшейся на языке, то ли от воспоминаний, продолжил: – Не помню кому пришло в голову. В общем, после восьмого класса мы с одноклассниками упросили родителей устроить нам поездку к хакасским шаманам. Я тогда подумал. Что среди предков были хакасы, почему нет. Родители были не против. Все воспринимали поездку, как своеобразный аттракцион, Диснейленд с местным колоритом. Что могло пойти не так?

Костя раз другой проводит ладонью по ежику волос на затылке. Пытается не уйти далеко в воспоминания, сконцентрироваться на здесь и сейчас, хотя пульсом в ушах уже стучит шаманский бубен.

Леркины серые глаза, грозовые тучи, сканируют в попытке понять, куда ведет эта история, раньше бы подогнала тысячу раз, чтобы к делу переходил. А теперь сидит и ждет. Или чувствует, что с мыслями надо собраться? Косте остается только догадываться.

– Долго ехали, там какие-то проблемы с дорогой были... Неважно. В общем, добрались, а шаман умер. И никто не предупредил за всей беготней, чтоб мы хотя бы не... Да и деньги за развлечение неохота возвращать. Ну местные посоветовались и решили, что вместо обычной программы покажут нам уникальное действие. Призыв нового шамана называется...

– Ой, – выдыхает Лерка и головой качает.

– Провели в юрту. Окурили чем-то, огонь мигает, бубен ритмом в транс вводит.

– И ты призвался.

– Призвался. Отозвались мои хакасские корни во всю глубину.

– Но ты не шаман. Ты в Академии учишься, – Лера пытается в голове уместить, но не получается.

Все понятно, думает Костя. Она ведь знает, что если шаман был призван, то он инициацию проходит и все пути назад нет. Ты либо полезен сообществу, либо откатываешься к неосознанным настройкам, безумным дурачком сидишь и слюну пускаешь.

– Я не потерял разум, как это описывают в книгах. Уж не знаю почему.

– Может потому что ты любишь все контролировать? – робко улыбается подруга. Костя только жмет плечами, мол никогда не узнаем. – Что с тобой было?

– Я потерял зрение. Как в фильмах, знаешь, глаза пеленой заволгло, словно свет вырубил. Кричал. Паниковал. Слышалось всякое. Мозг придумывал, пытаюсь

заполнить привычную картину. Неважно. Я толком и не помню. Не видел девять дней. Родители в шоке. Шаманское племя вокруг меня носится, мол дурак, что ты здесь застрял, дальше иди...

– В мир мертвых, – выдыхает Лера.

– Думаю так везде, в любых инициациях: нужно умереть и воскреснуть. А я застрял, цепляясь за реальность.

– Такой рациональный.

– Такой.

– А потом зрение вернулось, – подгоняет Лера и Костя улыбнулся бы, но разговор не делает легче, только дополнительный вес с каждым словом на плечи нависает.

– Вернулось, – короткий, четкий кивок, – ни о каком шаманизме к тому моменту я уже и слышать не хотел. Да и сейчас, если честно... – Костя передергивает плечами.

– Потому и уехал сюда, чтоб подальше, – понимающе кивает Лера.

– Ну, когда приглашение прислали, расстояние было скорее плюсом.

Подруга кивает задумчиво и начинает посуду в стопку собирать. Видно, что порывается, хочет что-то спросить, но берет паузу, медлит. «Тоже не похоже на Леру», понимает Костя.

– Ты никогда не думал... – Лера кусает губу, сдирает взъерошенную сухую кожу, пока кровь не пойдет и только тогда продолжает. – Не думал, что зря отказался?

Первая мысль: какая же она все-таки бестактная. Возмущение вскипает кофейной жижей в турке, моментально попадая на конфорку и тут же оседает на дно. Да, кажется, Костя понимает, почему подруга задает этот вопрос. Кажется, этот вопрос совсем не про него даже. Так, Лера пытается понять не пожалеет ли она, что согласилась. И ответа на такую дилемму у Кости точно нет. Да и какая теперь разница. Сделано. Пути назад нет.

Костя трясет головой, пытаясь выскрести себя из воспоминаний. «Не думал, что зря отказался?» – голос Леры той, надломленной и собранной обратно по частям назойливым комаром продолжает звучать. «Однажды», – решает Костя. Под бездонными взглядами сотен фей, проигрывая из-за недостатка силы.

– Ну уж нет. Никакого путешествия в ад туда и обратно, не в мою смену, – напоминает себе Костя. Передергивает от холодных мурашек, пробегающих по хребту, от одного воспоминания о той непроглядной темноты, через которую нужно было пройти. Костя вздыхает спокойнее, в очередной раз решив, что все делает правильно и, не обращая внимание на возмущенное урчание, берет Кота на руки и уносит в гостиную.

Звонок в дверь вырывает Леру из монотонного собирания амулетов на удачу. Леска натянувшись лопается, полоснув по пальцу резкой болью. Лера хмурится и чертыхнувшись тянет палец в рот. Во-первых, больно, а во-вторых, вообще-то, она никого не ждет. Спустив ноги со стула, на котором сидела по-турецки, она нашаривает купленные еще до отъезда, стоптанные на пятках тапки и шаркая совершенно по-стариковски идет открывать дверь. Ладно, вряд ли открывать. Хотя бы просто проверить, где и что случилось. «Думала, звонок не работает», – мелькает в голове, когда она смотрит в глазок. На просторной лестничной площадке под прищелком глазка стоит бабулечка. Из тех, что выглядят как божий одуванчик, но никогда не узнаешь, какие дьявольские пляски у них на уме, пока рот не раскроют. А вот когда начнут гово-

рять, тогда зачастую пиши «пропало» такие пляски демонов под седовласой крышечкой, что любой средневековый крестьянин позавидует воображению.

– Есть кто дома? – вопреки ожиданиям голос крепкий, хоть и звучит надтреснуто. Лера уверена, что вопрос этот и соседи услышали и, возможно, бабушка в другом конце квартиры.

– Кто спрашивает? – Лера не утруждает себя усилием звучать гостеприимно. Не с неожиданными гостями. Не после того, что было утром.

– Лерочка, ты, что ли? Вот так радость! Это баб Зина, ты меня, наверное, не помнишь. Маленькая была.

Баб зин, нин и клав в леркином детстве действительно было много, целые хороводы этих бабушек. Лера прикидывает и все-таки открывает дверь:

– Не помню, – качает головой.

– Я к бабуле твоей. Дома она?

– Дома, да. Только она ногу сломала. Бедро. Никого не принимает, – привирает Лерка, только чтобы от старушки отвязаться. Вранье мелкое, непродуманное, совершенно детское, тут же ругает себя. На самом деле, каждую субботу к большухе приходят егеря. Они все как один почему-то не снимают тулупы и толпятся в небольшой комнате, иногда подпихивая друг друга локтями. Все как один с дикими словно кусты бородами, бровями и красными носами то ли от мороза, то ли еще от чего. Все как один с поникшими головами стоят и слушают как их словно детей отчитывает лежащая старушка. За то, что прогнулись. За то, что с официалами работают и еще хуже, на них. Что надо было упрямо стоять на своем и не получать лицензии и пойти против закона. Она же смогла... Лера не знает, думают ли хоть о чем-то егеря в эти моменты. Но она думает только об одном: и посмотри, куда нас это привело.

– Может, ты мне поможешь тогда?

– Чем смогу, – кивает Лера и все-таки впускает старушку в прихожую. Та оглядывается, так, будто здесь никогда не была. Подозрительно, – подмечает Лера и, скрестив руки на груди, подгоняет старушку и ее просьбу: – мне б только узнать.

– А бабуля спит, да?

– Да, ей обезболивающее дают, поэтому спит, – кивает Лера.

– Это все лапотниковское, оно вообще помогает? – бабулечка принюхивается, будто узнала какой-то запах. Лера за ней повторяет, но нет, газа не чувствует. Да и вообще ничего кроме старой мебели и ковров.

– Вроде помогает. Но место неприятное. Шейка бедра, говорят, в таком возрасте редко уже пациенты на ноги встают.

– Ой-ой-ой, да как же это. Ведь в ней еще сил на сто лет вперед.

– Поскользнулась неловко, – Лера жмет плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.